

Ф.Н. ПЕТРОВ

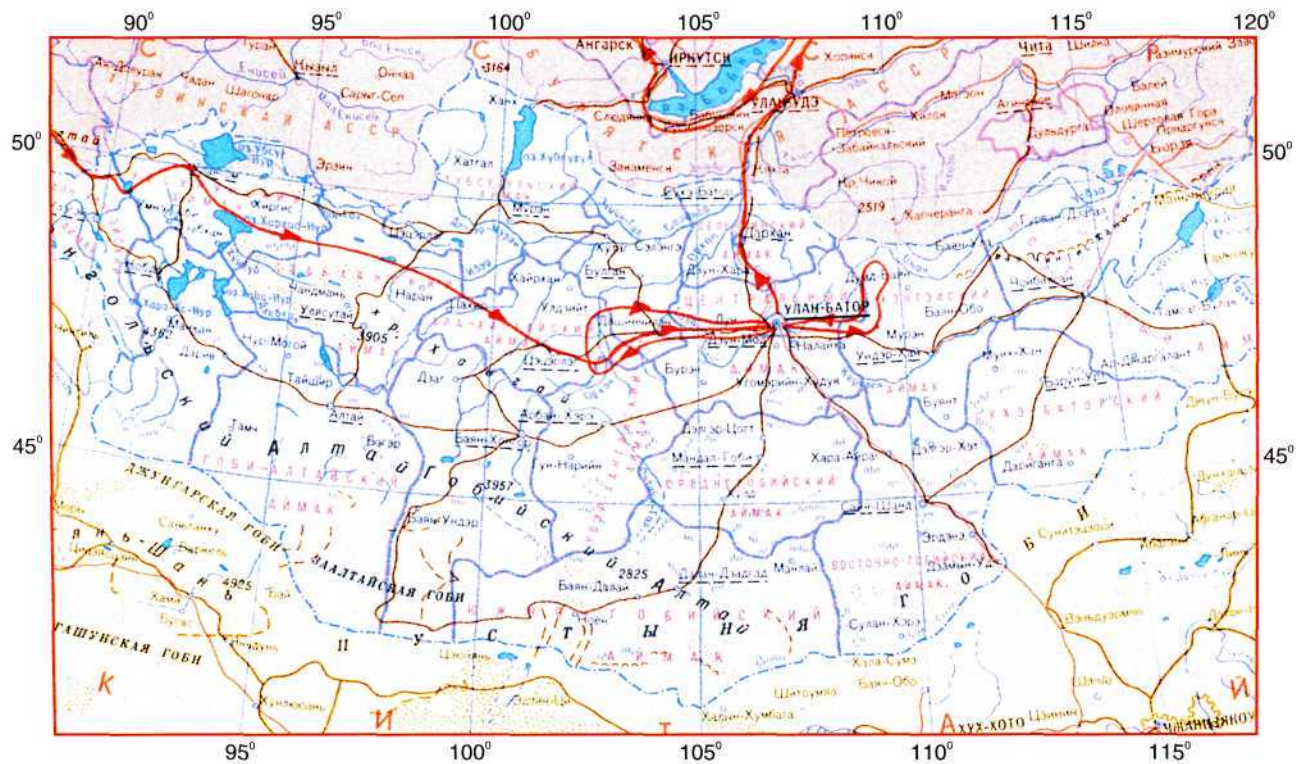
АРКАИМ

АЛТАЙ

МОНГОЛИЯ

МОНГОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ПРИРОДНО-ЛАНДШАФТНЫЙ
И ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР "АРКАИМ"

Ф.Н. ПЕТРОВ

АРКАИМ - АЛТАЙ - МОНГОЛИЯ

**ОЧЕРКИ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ**

Издательство Крокос
г. Челябинск
2006

УДК 902 (51)
ББК 63.4 (54)
П305
Агентство СІР ЧОУНБ

Научно-популярное издание

Петров Ф.Н.

Аркаим - Алтай - Монголия : очерки экспедиционных исследований традиционных верований /отв. ред. А.В. Пузанов. - Челябинск: Изд-во Крокус, 2006. - 64 с: ил.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Специализированного природно-ландшафтного и историко-археологического центра "Аркаим".

Автор книги, археолог и культуролог, в научно-популярной форме рассказывает об исследованиях традиционного мировосприятия и культовой практики древних и современных народов Евразии, осуществляемых комплексной экспедицией Специализированного природно-ландшафтного и историко-археологического центра "Аркаим". В книге описываются обычаи и ритуалы, сохранившиеся до нашего времени в культурах Центральной Азии, рассказывается о научной работе по их изучению, о жизни людей в Монголии и на Алтае.

ISBN 5-902165-11-3

АРКАИМ – ТОЧКА ОТСЧЕТА

Заповедник "Аркаим" существует уже 15 лет, но его пока нет на картах. На его месте нарисовано Караганское водохранилище, волны которого затопили степное пространство и все следы деятельности наших предков. На картах затопили. В реальности такого не произошло, и это была удивительная история начала Аркаима и первой победы научной и культурной общественности над могущественным Министерством мелиорации и водного хозяйства. И даже шире - победы над механизмами тотальной управляющей системы.

Современная история Аркаима началась в 1987 г. В степной зоне Челябинской области, на границе Брединского и Кизильского районов мелиораторы начали возводить плотину, чтобы перегородить реку Бол. Караганка. Обследовать площадку будущего водохранилища выехали археологи Челябинского университета - и обнаружили в центре речной долины древние рвы и валы, образующие в степном пространстве удивительно сложную и правильную геометрическую фигуру. Так был открыт Аркаим - древнее сооружение, являвшееся и крепостью, и храмом, и астрономической обсерваторией. Была открыта протогородская цивилизация зауральских степей начала II тыс. до н.э.

Исследования этой древней культуры, а в дальнейшем и создание на Аркаиме научного и культурного центра осуществляет научный коллектив под руководством Г.Б. Здановича. Раскопки укрепленного поселения развернулись сразу же после его открытия. Поджимали сроки - через год долина должна была уйти под воду. Здесь работали археологические отряды со всей страны - бывало, что в раскопках участвовало более 400 человек. Работа лопатой и кистью в сочетании с точнейшими геодезическими и геофизическими съемками сразу позволила начать восстанавливать образ древнего памятника.

Аркаим - одна из вершин развития архитектурной мысли человечества. Он состоит из множества элементов, великолепно сконструированных в едином, многоуровневом пространстве: глубокие рвы, высокие оборонительные стены, 60 крупных домов, ливневые водотоки, сложные комплексы четырех привратных укреплений, внутренняя и внешняя системы обороны - все это реализовано в едином сооружении и выстроено по модели концентрических окружностей общим диаметром всего 170 м. С воздуха Аркаим представляет собой систему концентрических кругов, рассеченную четырьмя радиальными стенами и ориентированную прогибом главных ворот на юго-запад, на знаменитую сейчас гору Шаманку. Это огромный геометрический символ, встроенный древними людьми в пространство священной для них Великой Степи.

Аркаим был построен около четырех тысяч лет назад, на рубеже III и II тыс. до н.э. Его населяли люди европеоидного облика, чья культура была связана с индоиранской традицией. Они умели делать прочную глиняную посуду и украшали ее геометрическими орнаментами, хорошо владели металлургией бронзы, обрабатывали свинец, олово, золото и серебро, разводили домашний скот, возделывали небольшие поля и огороды. Они были прекрасными наездниками и творцами легких степных боевых колесниц, остатки которых мы иногда находим в их погребальных камерах. Среди них были жрецы и поэты, создатели великих древних мифов и ритуалов, их потомки записали позднее священные книги: "Авесту" и "Ригведу". Судя по этим книгам, сами себя они называли "арья" - арии, а свою землю, Великую Степь - "Арианам-Вайджа", "Арийский простор". Многие из них ушли позднее на юг, на восток и на запад, но на протяжении сотен лет здесь, в степном Зауралье, была их Родина. И здесь они сформировали культуру, во многом определившую дальнейшее развитие степных народов.

Исследования этой культуры сразу вошли в противоречие с интересами Минводхоза, завершавшего строительство огромной по здешним меркам плотины и стремившегося затопить Аркаимскую долину - и сам Аркаим вместе с ней. Этот проект оправдывался интересами окрестных хозяйств, однако экологическая и экономическая экспертизы показали неэффективность будущего водохранилища. Затопление удалось отложить на год, потом на два, и, в итоге, благодаря невероятным усилиям широких кругов научной и культурной общественности отменить совсем. В степи остались чуть-чуть недостроенная плотина, уцелевшая долина и сохранившийся Аркаим. В 1991 г. участок Аркаимской долины вокруг древнего памятника был объявлен заповедным на уровне Совета министров РСФСР. Аварийные исследования были завершены, продолжился тщательный и кропотливый научный поиск.

Применение нового метода дешифровки аэрофотоснимков позволило обнаружить в степном Зауралье новые укрепленные центры аркаимского типа. На сегодня известно уже более 20 таких памятников, расположенных преимущественно на территории Челябинской области, а также в Казахстане, Башкортостане, северо-восточном Оренбуржье. Вся эта система расселения древних людей получила условное название "Страна городов". Рядом с древними городищами исследуются некрополи, рудники, технологические площадки, культовые сооружения. Совместно с археологами работают геологи, почвоведы, биологи, геофизики, гидрологи, специалисты других направлений. С самого начала в основу этих исследований был по-

ложен принцип комплексного изучения соразвития человеческих обществ и природных экосистем.

Древний Аркаим был одним из центров познания того времени. Таким же является и современный Аркаим. Возникнув в далекой степи: без дорог, без строений, без связи, он развернулся в мощный современный центр научной и культурной деятельности. Сегодня сюда ведет хороший асфальт, работает сотовая и оптоволоконная связь - Аркаим стал важным явлением культуры наших дней.

Современный Аркаим изначально мыслился как экополис - и на сегодня это самый чистый, самый ухоженный поселок в зауральской степи, где даже окурки не бросают мимо урны. Он не отгорожен от степи полосой деградированного природного пространства, как большинство других поселков. Здесь степь и человек живут в одном месте. Здесь человек существует в природе, обустраивая, но не разрушая свое место обитания.

Современный Аркаим - это научный центр, на базе которого постоянно работает до десяти отрядов комплексной экспедиции. Здесь ежегодно проводятся научные конференции от региональных до международных, по материалам исследований издаются научные сборники и монографии.

Аркаим - это и мощнейший культурный центр. Здесь построено здание музея "Природы и Человека", в котором осуществляется не только демонстрация, но и хранение, и обработка ценнейшего фондового материала. Создан исторический парк под открытым небом - целая система реконструкций бытовых и сакральных сооружений от эпохи камня и до конца XIX в. Функционирует музей древних технологий. Налажена система приема посетителей - и в 2005 г. на Аркаиме побывало свыше 30 тыс. человек. Для многих городских жителей Аркаим становится первым опытом непосредственного восприятия живого и священного мира - и это, наверное, главное достижение работающего здесь коллектива.

Аркаим стал отправной точкой для раскрытия всей многотысячелетней истории зауральской степи. Его экспедиции находят и изучают новые памятники, начиная с эпохи палеолита, древнейшей эпохи существования человека. Особое значение приобретает исследование кочевых обществ, на протяжении двух с половиной тысяч лет развивавшихся в степи в постаркаимское время.

Развитие исследований вывело нас за пределы Южного Зауралья на пространства Центральной Азии - в долины Горного Алтая, монгольские степи, на перевалы и вершины Хангая и Хэнтэя. И в эти экспедиции мы отправились уже не как археологи, а как культурологи и религиоведы, для того, чтобы обнаружить в культурной практи-

ке современных народов элементы традиционного мировосприятия, сохранившиеся с древних времен обряды и ритуалы. Отыскать, осознать и в этом контексте лучше понять культуры зауральской степи, их прошлое, а возможно и будущее. Начав с Аркаима, к нему же и вернуться.

О работе отряда комплексной экспедиции Центра "Аркаим" в горах и степях Центральной Азии мы и расскажем в этой книге. А также о том, на какие вопросы изучения Аркаима и его значения в современной культуре эти исследования помогают ответить сегодня.

ТРАДИЦИОННОЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ

Основной целью работ нашего экспедиционного отряда и в степном Зауралье, и в Центральной Азии является изучение традиционного мировосприятия в древних и современных культурах. В современности его можно наблюдать и, в той или иной мере, испытывать самим, для древности - только реконструировать. Без этих реконструкций, однако, едва ли возможна корректная оценка настоящего и видение вариантов будущего.

Как известно, восприятие дает информацию об объекте в его целостности (нерасчлененности на отдельные признаки) при непосредственном воздействии его на субъект, в нашем случае - на человека. О традиционном мировосприятии мы можем говорить, когда человек воспринимает основные проявления действительности в системе культурной модели, устойчивой на протяжении тысячелетий и передающейся из поколения в поколение. Эта модель есть совокупность основных принципов, в соответствии с которыми человек воспринимает окружающий мир. Для человека традиционной культуры такое восприятие является само собой разумеющимся, более того единственно возможным. Для человека современной культуры, сформировавшейся в условиях урбанизированного индустриального либо уже постиндустриального (так называемого "информационного") общества, оно выступает как один из возможных, при том неочевидных, вариантов восприятия мира.

Ключевой принцип традиционного мировосприятия: все проявления окружающего мира воспринимаются человеком как результаты либо составные элементы жизненных процессов, происходящих в сознающих себя сущностях. Течение вод, движение облаков, грозы и радуги, расцвет и увядание растений, вековое спокойствие гор, сполохи огня, вращение звезд и движение Солнца и Луны - все это воспринимается как проявление жизни, при этом жизни сознательной, с которой человек может вступать в общение.

Урбанизированное общество, ориентированное на взаимодействие человека с искусственными системами, формирует культурную модель восприятия всего мира как совокупности условий существования. Эти условия проявляются в соответствии с некоторыми закономерностями, однако не обладают, естественно, собственной волей и сознанием.

Для человека традиционного мировосприятия все основные проявления окружающего мира есть результат сознательной деятельности тех или иных объектов, сил и стихий. В свою очередь, культовая практика в традиционной культуре есть способ реализации потребности человека в общении с этими живыми и сознательными началами окружающего мира. Таким общением, в которое вступают один человек либо определенная общественная группа, являются индивидуальные и коллективные ритуалы.

ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Первая экспедиция в Центральную Азию, предпринятая нашим отрядом в 2004 г., осуществила предварительную оценку перспектив исследований в Горном Алтае, однако основные работы были сосредоточены на территории Монголии. Как и вторая экспедиция 2005г. - в Республику Алтай - она стала возможной в условиях крайне ограниченного бюджетного финансирования благодаря объединению средств самих участников работ.

Экспедиционные исследования 2004 г. проходили под руководством автора, в них приняли участие: Андрей Злоказов, путешественник и предприниматель, уже много лет работающий в наших экспедициях, Евгений Галиуллин, выпускник исторического факультета Челябинского университета, ныне ответственный работник одной американской компании, со студенческих лет и до настоящего времени постоянный участник степных экспедиций, и Сергей Апарин, главный врач Петропавловского района Воронежской области, приглашенный в качестве врача и второго водителя; а также наши монгольский коллеги: археолог, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Академии наук Монголии Загд Батсайхан и этнограф, старший преподаватель Монгольского государственного университета Ишдjamц Саруул.

Экспедиционной машиной стала вместительная "Нива-Форс" Андрея Злоказова со специально приобретенным для нее прицепом курганского производства. В организации экспедиции Центру "Аркаим" и ее участникам помог Уральский государственный технический университет - УГТУ-УПИ, обеспечивший контакт с Академией наук Монголии.

Цель экспедиции 2004 г. была сформулирована как изучение традиционной культовой практики, обращенной к почитанию природных сил и стихий. Именно в этом направлении мы работали последние годы в Зауралье как с археологическими, так и с этнографическими источниками. И именно в плане этнографии Монголия обещала принципиальный прорыв, поскольку здесь сохранилась до наших дней традиционная степная культура, лишь осколки которой присутствуют в жизни современных народов урало-казахстанской степи.

Экспедиция стартовала из Челябинска 16 июля 2004 г. и продлилась 36 дней. Наша машина прошла 11 465 км, еще какое-то количество километров, естественно, прошли мы отдельно от машины - но их никто не считал. За двое суток мы проехали от Челябинска через Курган, Омск, Новосибирск и Барнаул до Горного Алтая, еще день шли по Чуйскому тракту среди алтайских гор и на четвертые сутки вошли в Западную Монголию через пограничный пост у пос. Ташанта.

Далее маршрут экспедиции проходил от сомонного центра Цагааннуур в горах Монгольского Алтая мимо озера Ачит-Нуур к аймачному центру Улаангом, от него на восток, по северному побережью озера Хяргас-Нуур к сомону Тосонценгел и оттуда, через горы Хангая, к аймачному центру Цэцэрлэг и далее, через Хара-Хорин на Улан-Батор. От Улан-Батора было совершено два экспедиционных выезда. Первый - в горы Хэнтэя, в верховья реки Керулен; второй - в долину реки Орхон, в районе Хара-Хорина. Обратнo в Россию экспедиция следовала через Сухэ-Батор и Улан-Удэ с заездом в Забайкалье по Баргузинскому тракту до мыса Святой Нос на Байкале, и обратнo - через Иркутск, Красноярск, Новосибирск - на Челябинск.

Экспедиция носила разведочный характер, однако и в этом формате дала достаточно много нового материала, прежде всего, этнокультурного и религиоведческого плана. От местных жителей были получены данные о традиционной культовой практике в современной монгольской культуре. На территории Монголии было исследовано 40 действующих культовых памятников, отражающих добуддийские ритуальные традиции, обследован 21 археологический памятник разных эпох, в том числе: мегалитические комплексы; каменные курганы, оградки и херексуры; аллеи балбалов; писаница эпохи бронзы; средневековое святилище; древнетюркские поминальные комплексы, а также развалины древней столицы монгольской империи города Каракорум.

СТЕПЬ И ГОРЫ МОНГОЛИИ

Северная и центральная Монголия (а в южную, в пустыню Гоби, мы не ходили) - это степное пространство, заключенное между горными хребтами: Монгольским Алтаем на западе, Хангаем в центре и Хэнтэем на востоке. Всегда, даже вдали от гор, это достаточно рельефная степь - она не похожа на бескрайне плоскую степь Казахстана, а сравнима, скорее, с зауральскими или приуральскими холмистыми ландшафтами. Только монгольская степь гораздо ярче. Безмерной красоты горы возвышаются над ней. Как поется в одной монгольской народной песне:

Возвышаются громадами
 Высокие, величественные хребты,
 Просторны, великолепные покатые отроги.
 Устремляются вниз струящиеся потоки,
 Шумно травы волнуются, клонятся до земли,
 В родниках воды рашаяной пенятся...

Значительная часть гор покрыта таежными лесами из лиственницы и кедра. Эта тайга светлая, в ней нет болотин и сплошного бурелома, как, например, в забайкальской тайге. Вершины самых высоких хребтов Монгольского Алтая венчают ледники.

Степные пространства Монголии расположены на плоскогорьях, возвышающихся над уровнем моря в среднем на 1500 м. Растительность здесь беднее, чем в урало-казахстанской степи. Слой гумуса, как правило, отсутствует, трава растет прямо на каменисто-глинистой почве. Вся степь усыпана множеством небольших, неярких цветов, создающих ее неповторимый облик.

Погода летом не очень жаркая - прохладнее, чем в наших местах. Как и везде в степи, она очень быстро и нерегулярно меняется. Часто идут дожди. Зимой, напротив, осадков сравнительно мало, и снежный покров невелик.

КОЧЕВОЕ ХОЗЯЙСТВО

Особенности монгольской природы позволили сохраниться кочевой культуре до сегодняшнего дня. Пространства восточноевропейской, а затем и казахстанской степи были распаханы, что нанесло катастрофический урон природным экосистемам и привело к переориентации хозяйственной деятельности степного населения. Но монгольскую степь не имеет смысла распахивать. Здесь практически отсутствует чернозем, а почва очень каменистая - в качестве пашни ее продуктивность равна нулю. Подходящие для земледелия участки крайне немногочисленны и располагаются только в некоторых речных долинах. Самая крупная из них имеет протяженность лишь около 60 км - это плодородная долина Орхона от северо-восточных отрогов Хангая до озера Угий-Нуур, центр монгольского овощеводства. На основном пространстве монгольской степи сельское хозяйство может быть только скотоводческим.

Но скотоводство может быть и оседлым, отгонным. Оно предполагает стойловое содержание скота в зимнее время, а это требует создания больших запасов сена либо иного фуража. А в монгольской степи с редкой, невысокой растительностью есть очень мало мест, подходящих для сенокоса. Мы наблюдали сенокосение, опять-таки, только в долине Орхона. и даже там оно не имеет того масштаба, как в наших степях. В то же время, зимой в Монголии выпадает мало снега. Это позволяет скоту успешно *тебеневать* - пастись в зимних условиях, добывая из-под снега сухую траву. С приходом зимы многие монгольские кочевья перемещаются на горные пастбища. В это время года пастухи живут в юртах или во временных постройках рядом с небольшими загонами для ночного укрытия скота.

Поэтому монголы до сих пор остались кочевниками, никакое другое хозяйство не может быть эффективным в этой степи, раскинувшейся на плоскогорьях. А кочевое хозяйство предполагает и сохранение в той или иной мере традиционных форм социальной организации, и сохранение основных элементов традиционного быта. выверенного тысячелетиями именно для этого типа хозяйствования. Поэтому, например, степная Монголия до сих пор живет, главным образом, в юртах - современная урбанизированная культура не создала никакого более эффективного типа разборных, переносных жилищ, одинаково хорошо предохраняющих и от жары, и от холода и от дождя, и от снега,

По всему пространству монгольской степи разбросаны кочевья небольшие группы от одной-двух до десяти-двенадцати белых юрт. Они удивительно хорошо вписываются в степной ландшафт, оживляют его своей белизной и совершенно не выглядят чужеродными в окружающей природе - в отличие от степных поселков в России, Когда наш отряд работает в зауральской степи, живет в ней днями и неделями, мы стараемся, как правило, как можно быстрее миновать встречающееся поселки - настолько изменена и изуродована человеком степная земля вокруг них, настолько грубо нарушают они природную гармонию. А монгольские кочевья не разрушают, а лишь дополняют степные пространства присутствием человека, они гармонично вписываются в эту природу, так же, как гармонично вписывается в степные экосистемы кочевое хозяйство.

ВОДА

Монгольские реки текут, как правило, по каменистым руслам. Они чисты, быстры и холодны, на них нет никаких плотин. Огромные озера западной и северо-западной Монголии производят потрясающее впечатление: это бескрайние моря пронзительно голубой воды на фоне желтовато-серых холмов, как будто в них на земле присутствует опрокинутое небо.

Монгольские реки практически не загрязнены промышленными стоками, их воды не заражены бытовыми отходами или химикатами с полей. По всей стране люди спокойно пьют воду прямо из рек и озер. Это было удивительно для нас, привыкших в полевых маршрутах постоянно носить с собой запасы питьевой воды, а в стационарных лагерях регулярно отправлять машину в поселки для их обновления. Мы везли с собой в прицепе четыре двадцатипятилитровые канистры для воды, из них пригодилась только одна, под небольшие текущие запасы. Когда мы первый раз поинтересовались на кочевье.

где набрать воду - нам показали на протекающий рядом ручей. Я попытался уточнить, что нам нужна именно питьевая вода, на меня посмотрели как на идиота. Вот она - вода, течет рядом, что еще надо этим странным русским? Поначалу это было очень непривычно - когда тебе захотелось пить, ты просто берешь кружку, подходишь к реке или озеру, зачерпываешь воду и пьешь.

ЗВЕРИ И ПТИЦЫ

В монгольской степи очень много живности - суслики постоянно перебегают дорогу перед машиной, сурки в огромных количествах стоят столбиками вдоль дорог. Идя по степи, регулярно встречаешь то зайцев, то тушканчиков, то сусликов. Здесь в изобилии водятся косули, волки, в камышах вдоль озер - кабаны, в таежных районах - лоси и медведи. Правда, мы с крупными зверями нос к носу ни разу не сталкивались, но слышали много рассказов, видели некоторые следы. Крупные животные опасаются человека, и их нужно специально выслеживать, а нам, естественно, было не до того. Впрочем, в горах Хэнтэя, когда наша экспедиция забралась в таежную глушь на пути к священной с древности вершине Бурхан-Халдун, мы весьма радовались, что не встретились с волками или медведем. Немногочисленные местные жители, которых мы видели в предгорьях Хэнтэя, всегда были вооружены ружьями или винтовками, да и российские биологи, с которыми мы познакомились в Улан-Баторе, тоже ездили на Хэнтэй с карабинами. У нас же было с собой только две ракетницы-ручки, так называемый "сигнал охотника". Одна из них постоянно висела заряженной посреди лагеря на случай, если придется отстреливаться. Слава Богу, не пришлось.

Еще в Монголии очень много птиц, особенно хищных. Журавли ходят прямо вдоль дорог, коршуны и орлы непрерывно кружат над поселками и даже над городами, их регулярно видишь в небе Улан-Батора. Хищники имеют привычку сидеть на обочинах дорог, как верстовые столбики. Они внимательно смотрят на машину, но даже и не думают улетать.

Домашние копытные пасутся по степям, в том числе очень далеко от человеческого жилья. У нас, в России, стадо обязательно сопровождает пастух, а на ночь его загоняют в загон. Здесь же пастухи, похоже, постоянно сопровождают только овец, а крупный рогатый скот и верблюды бродят по степи совершенно спокойно, без всякого участия человека. Ночуют они тоже в открытой степи. В горах Хангая мы как-то раз поставили лагерь уже по темноте и оказались рядом со стадом яков. Ночью они пришли к нам любопытствовать - при-

шлось вылезать из палатки и гонять их громкими криками. Вообще яки, заросшие шерстью до самой земли, преобладают в горных районах - они более привычны к здешним ветрам и холодному климату. На равнинах пасутся верблюды, коровы, лошади. Люди кочевой культуры заменили в степных экосистемах дикие виды копытных на domestцированные, но не разрушили при этом сами системы.

ДОРОГИ

Когда мы еще собирались в экспедицию, то услышали от кого-то довольно старый, как выяснилось впоследствии, афоризм: "В Монголии дорог нет, есть только направления". Так оно и оказалось. Асфальтированные шоссе крайне немногочисленны и располагаются практически только в районе столицы, связывая Улан-Батор с Сухэ-Батором (это дорога на Россию), Хара-Хорином, Баганууром. Движение по всей остальной территории бескрайней Монголии осуществляется только по полевым дорогам, каждая из которых представляет собой множество старых и новых колеи, то тянущихся параллельно, то расходящихся веером в степном пространстве. Так, основная "трасса" из Западной Монголии на Улан-Батор - это до пятидесяти колеи, вытянутых в целом в одном направлении, но постоянно расходящихся и сходящихся, одни идут напрямик, другие объезжают препятствия, третьи сворачивают к сомонам или кочевьям. Дороги стягиваются в одну только у немногочисленных мостов и перед перевалами. Разобраться во всем этом разнообразии поначалу весьма трудно.

Качество полевых дорог бывает весьма плохим на очень больших расстояниях. Вероятно, это объясняется особенностями грунта. У нас, в зауральской степи полевые дороги накатаны, как правило, в толстом слое дерна. Они становятся плохо проходимыми под долгим дождем, но в относительно сухую погоду достаточно мягкие и ровные. Здесь же на протяжении сотен и тысяч километров выбитые в каменисто-глинистом грунте колеи сплошь покрыты частой гребенкой. Мы называли ее "танковой", по результатам первых (неправильных) размышлений о ее возможном происхождении. Двигаться по такой гребенке мы могли, как правило, со скоростью не больше 30 км/ч. По ходу движения приходится постоянно оценивать качество близлежащих колеи и перескакивать с одной на другую в поисках какого-то относительно приемлемого варианта.

Дорога выматывала, особенно сильно уставал от постоянного напряжения водитель. Впрочем, и сменным штурманам приходилось непросто в постоянных попытках сориентироваться на незнакомой местности. Все мы привыкли ездить по полевым дорогам, но проходить по ним тысячи километров подряд - такое было впервые.

Выбирать правильный путь было бы гораздо сложнее если бы не постоянная помощь самих монголов. От западных районов до Улан-Батора мы шли без монгольских коллег и поначалу останавливали практически каждую из немногочисленных встречных машин, чтобы уточнить направление движения. Закон взаимопомощи на дорогах соблюдается здесь железно. Если ты встал у дороги и поднял руку, можно быть абсолютно уверенным в том, что встречная машина остановится. Главная словесная конструкция, которой мы пользовались на дорогах Монголии - "... хаана байна вэ?" ("Где находится ... ?"). У водителей встречных машин, у пастухов и жителей юрт мы постоянно спрашивали: "Улаангом хаана байна вэ?", "Хара-Хорин хаана байна вэ?", "Бензин колонк хаана байна вэ?" (именно так называется по-монгольски бензиновая колонка), "Гуанз (столовая) хаана байна вэ?". Не все эти вопросы были построены грамматически правильно, но нас понимали и объясняли дорогу.

По мере накопления опыта мы выработали два основных правила. Первое - не стоит показывать монголам карту. Сами они картами, как правило, не пользуются. Увидев ее, очень радуются, собираются вокруг всей толпой и долго изучают, высказывая самые положительные эмоции по поводу каждого узанного на карте названия. Потом нехотя возвращают такую интересную вещь и начинают показывать руками прямо на местности, куда и как нам надо ехать. Исключение составляют только городские жители, а в сельских районах карту лучше не доставать - лишняя потеря времени. Второе - когда задаешь вопрос о направлении движения, не надо показывать рукой в ту сторону, которую ты считаешь правильной. Монголы - люди очень доброжелательные, они не будут с тобой спорить и, скорее всего, согласятся, что надо ехать именно туда, куда ты показал. Тем более что, даже если ты показал не на ту дорогу, то ведь и по ней можно добраться, в конечном счете, до нужного тебе места, просто совершив некоторый крюк или круг. Поэтому, задавая вопрос, руки надо держать по швам и ждать, пока они сами не покажут тебе направление,

МОНГОЛЫ

Общее впечатление от монголов - удивительно приветливый и любознательный народ. Постоянно любопытствуют и в этом бывают весьма бесцеремонны. Но очень доброжелательны, всегда готовы помочь, причем совершенно бескорыстно, не имея целью выгадать для себя какие-то блага.

В провинциальной Монголии детишки, услышав шум проезжающей машины, выбегают из юрт и машут ей, отнюдь не выпрашивая

чего-либо, а просто интересуясь и приветствуя проезжающих. Бросаются в глаза удивительно радостные выражения лиц, которые часто можно увидеть у многочисленных детей.

Очень часто водители встречных машин улыбаются и машут тебе рукой. Вскоре привыкаешь отвечать на все эти приветствия и даже приветствовать первым. Совершенно чужие люди, просто проезжая мимо, приветствуют друг друга, от этого возникает в душе удивительно теплое чувство. У нас в России мне приходилось видеть такое поведение только у водителей автобусов - поднятием правой руки они встречают друг друга на трассе, даже если совершенно незнакомы, вероятно, потому, что ощущают себя членами одной социальной группы, причастной общему делу. Здесь же, в бескрайней малонаселенной степи, где встретить за день десяток машин, значит оказаться на очень оживленной дороге, все чувствуют свою причастность к одной, главной социальной группе -- группе людей.

АВТОМОБИЛИ

Провинциальная Монголия - это страна УАЗиков и ЗИЛов, автомобили других марок встречаются здесь редко. Как правило, все машины движутся по дорогам перегруженными до отказа. Когда мы тормозили их, чтобы спросить дорогу, из машин высыпала толпа оживленных людей всех возрастов от маленьких детей до стариков. Так, в стареньких 469-х УАЗах ездит, как правило, до 10-12 человек. Как они все помещаются в салоне представить себе невозможно. Кроме того, у большинства УАЗиков сзади и сверху привязаны вещи, не поместившиеся в салон. Впрочем, сумками и свертками вещей навьючены вообще все машины, их привязывают поверх цистерн бензовозов, на кабины бортовых грузовиков. Бензин, по здешним меркам, дорог, и каждый рейс стараются использовать максимально. Самому авторитетному пассажиру, как правило, это мужчина среднего или старшего возраста, занимающий достаточно высокое место в социальной системе, предоставляется переднее пассажирское сиденье. Впрочем, рядом с ним и у него на коленях будут сидеть еще два-три человека.

Грузовики в провинциальной Монголии выполняют только три основные задачи. Это или бензовозы, как правило, старые ЗИЛы с прицепами или бортовые грузовики, навьюченные невероятным количеством шерсти, которую перевозят к местам переработки. Или, наконец, ЗИЛы и КАМАЗы, на которых следуют откочевки, нагруженные юртами и огромным количеством всякого домашнего скарба. Рядом с ними движутся микроавтобусы УАЗ с откочевывающими семьями.

Монгольские водители любят скорость и разгоняют свои машины до 60-70 км/ч даже на очень тяжелых дорогах, по которым мы не решались идти быстрее 30 км/ч, опасаясь за подвеску и колеса. На полевых дорогах нет дорожной полиции, и водители часто ездят под хмельком. Впрочем, это не сказывается катастрофически на качестве вождения - дорожные аварии нам не встречались.

По мере приближения к Улан-Батору состав машин на дорогах меняется. Место УАЗиков занимают джипы, дороги становятся лучше, люди - менее приветливы и менее любопытны. Вообще, Улан-Батор и его окрестности выглядят достаточно чужеродным явлением современной культуры в пространстве Монголии.

В небольших кочевьях до сих пор применяют не только автотранспорт, но и традиционные телеги, двухколесные, с длинными оглоблями. В них запрягают волов. Особенно интересны деревянные колеса телег, не изменившиеся с глубокой древности. Каждое колесо имеет четыре спицы в виде толстых брусьев, концы которых образуют обод вместе с четырьмя вставленными между ними деревянными фрагментами. Колеса получаются не вполне круглой формы, их обтягивают полосками от автомобильных покрышек, жестко насаживают на деревянную ось и успешно используют на тяжелых монгольских дорогах.

ОБО

Вдоль всех монгольских дорог, на перевалах и у въезда в стационарные поселки, встречаются *обо* - культовые сооружения в честь духов окружающей местности, почитание которых является важным элементом современной монгольской культуры.

Нами было обследовано 33 комплекса *обо*, расположенных на территории аймаков Увс, Завхан, Архангай, Туве и Хэнтий. Значительную часть населения аймака Увс составляют казахи, а Хэнтий - буряты, однако никаких принципиальных отличий в сооружениях *обо* этих территорий от *обо* аймаков, населенных в большинстве своем монголами, нами обнаружено не было. Собранные материалы позволяют сделать вывод, что в современной Монголии культ *обо* является универсальным и не имеет существенных этнотерриториальных различий. Каждый обследованный нами комплекс состоит как минимум из одного *обо*, которое в ряде случаев выступает в качестве центрального элемента для нескольких культовых сооружений, в числе которых могут быть ритуальные ворота, небольшие *обо* в форме невысоких каменных столбиков.

Традиция сооружения *обо* очень древняя, она распространена у

всех тюркских и монгольских народов на пространстве евразийских степей. Однако в большинстве регионов этот культ находится в стадии угасания. У нас, в Зауралье и западнее, пастухи сооружают обо скорее по привычке, не всегда понимая смысл этого действия и не совершая, как правило, у этих объектов никаких специальных обрядов. В Монголии, так же, как и на Алтае, эта сакральная традиция жива до сих пор.

Монгольские обо бывают двух основных типов. Первый, более распространенный: сферическая или конусообразная каменная насыпь диаметром до семи метров и высотой до двух с половиной, в верхней части которой установлен длинный шест, увешанный ритуальными полосками ткани - *хадагами*. В настоящее время хадаги изготавливаются промышленным способом. Некоторые из них имеют рельефную вышивку в буддийском стиле. Наиболее распространены хадаги в форме широких (5-10 см) длинных лент. Изредка встречаются квадратные и прямоугольные хадаги, к которым в верхней части подшиваются по углам две матерчатые петли для подвешивания на веревку. Более всего распространены хадаги синего и голубого цвета. Реже обо содержат на фоне синих и голубых хадагов одну-две ленты белого, желтого или зеленого цвета. И лишь в некоторых случаях обо равномерно украшены хадагами всех используемых цветов: голубого, синего, белого, желтого, красного и зеленого.

Второй тип: уплощенная каменная насыпь, на которой возводится шатер из деревянных шестов и веток, высотой до шести метров. Ветви шатра также увешиваются синими и голубыми хадагами. С южной стороны шатер имеет "вход", перед которым сооружается деревянный или каменный столик для жертвоприношений. Такие же столики сооружаются в южной части каменной насыпи обо первого типа.

Размер современных обо варьируется в достаточно широких пределах в зависимости от значимости и длительности функционирования объекта. При этом фиксируются заметные отличия в размерах обо первого и второго типов.

Каменные насыпи обо первого типа имеют, как правило, диаметр от 1,5 до 5 м и высоту насыпи от 0,2 до 2 м. Насыпи обо второго типа отличаются большим диаметром и меньшей высотой. Они имеют диаметр от 2 до 8 м, высоту от 0,3 до 1 м. На насыпях обо первого типа возвышаются шесты высотой 1-2 м, на насыпях обо второго типа - деревянные шалаши высотой от 2 до 5 м. Судя по всему, возведение того или иного типа обо зависит от наличия либо отсутствия в окружающей местности значительного количества деревьев, без которых невозможно сооружение "шалаша".

Регулярно встречающиеся на всех дорогах, видимые издали

благодаря яркости и чистоте синего и голубого цветов, обо удивительным образом дополняют степной ландшафт ритуальным участием человека. Они сооружаются проходящими и проезжающими по степи людьми. Каждый добавляет в обо свой камень или ветку и тем участвует в его создании. По словам Н.Л. Жуковской, известного этнографа, крупнейшего советского специалиста по кочевой монгольской культуре: "обо - это и храм, и жертва одновременно, так как каждый оставленный здесь камень был и строительным материалом для святилища, и жертвой".

Здесь, у обо, монголы почитают природу своей родины и испрашивают у духов дорог и перевалов удачи в пути. Поднявшаяся на перевал машина, как правило, останавливается. Вышедшие люди обходят вокруг обо по часовой стрелке три или девять раз, по ходу движения подкидывая в насыпь заранее подобранные камни и оставляя здесь другие символические приношения - монетки, мелкие денежные купюры, сигареты, спички, конфеты. Часто на перевале у обо выпивается водка, и тогда бутылки из-под нее тоже кладутся в насыпь. На жертвенном столике в южной части обо устанавливаются блюда для возлияния кумыса, ритуальные металлические светильники и шестигранные фонарики, сюда кладут спички и пачки чая. Испросив благословения и выразив свое почтение, водитель и пассажиры продолжают свой путь. Если же машина торопится и не может остановиться у обо, водитель приветствует духов, проезжая, сигналом.

Кроме обо у дорог и на перевалах в Монголии встречаются также обо на холмах в центре долин. Они сооружаются населением кочевий, стоящих в долинах, и обращены к духам этой территории. В центре шатра одного такого обо мы видели небольшой деревянный сруб с окошком - "домик" духа. Ежегодно окрестное население совершает у них обряды почитания духов окружающей местности. Специальные обо возводятся также у подножия и на вершинах гор, почитаемых как священные всеми монголами. Такие объекты мы исследовали на горе Бурхан-Халдун, об этом будет рассказано ниже.

С монгольскими обо связан еще один уходящий в древность обычай. Когда у монгола умирает конь, на котором он проделал много дорог и который его не подводил, то нужно отрубить у коня голову и принести ее на обо. Почти на каждом обо можно увидеть лошадиные черепа. В этом обряде проявляется древняя идея жертвоприношения коня священным силам, и, прежде всего, Небу.

Часто можно увидеть, что на насыпи обо во множестве лежат деревянные костыли. Их приносят сюда те, кто был вынужден пользоваться ими по болезни, но затем выздоровел, с благодарностью за выздоровление.

Современное население Монголии исповедует буддизм, который был принят повсеместно не так давно, к XVII веку. Однако по всей Монголии красуются обо, хотя и включенные сейчас в систему буддийского культа, но имеющие гораздо более древнее происхождение и добуддийский смысл. Синий или голубой цвет лент на обо связан с древней тюрко-монгольской религией *тенгрианством* - почитанием Вечного Синего Неба у монгол и Голубого неба, Крыши Мира, у древних тюрков. Небо (Тенгри) почиталось в этой религии как священное начало, Отец всего сущего. Небо открывает все пути и на земле, и в жизни, сама судьба есть свободная воля Неба, *дзаяча*. Вместе с Небом почиталась и священная Земля (*Этуген* у монголов и *Умай* у тюрков) - всеобщее женское начало, Мать всего сущего, всё порождающая и принимающая обратно в свое животворное лоно. Все природные ландшафты воспринимались в этой религии как живые и священные, взывающие человеческого внимания и отвечающие ему.

В значительной мере тенгрианские смыслы и традиции живы в современной монгольской культуре. И, участвуя в ритуале у обо, человек становится причастным к жизни степи, бытию мира, которое несоизмеримо больше человеческой судьбы, однако не только отражается и преломляется, но и незримо присутствует в каждом из нас. Как пишет монгольский поэт Г. Мэнд-ооёо:

Обочины дороги грунтовой
 Отмечены курганами с обо -
 Обо растет, как будто сам собой,
 К нему добавит путник камень свой.
 Поправит он подпругу у коня
 И, по дороге камешек подняв,
 Взойдет наверх, положит на обо,
 Простор степи увидит голубой.

В современной Монголии широко распространено также почитание священной силы рек и источников. К родникам бросают монеты и бумажные деньги. Голубые хадаги висят на перилах большинства мостов. Это очень греет душу, когда человек не просто проезжает мост, а вспоминает, что под этим мостом течет вода, несущая жизнь степному пространству.

ЮРТЫ

Монгольские юрты шире привычных нам казахских и более приземисты. В средневековой Монголии белая юрта была только у хана, в современной - все юрты белые. Дело в том, что в древности юрты покрывали только кошмами, и белую кошму можно сделать только из шерсти белых верблюдов, а они встречаются весьма редко. Сейчас кошмы на юртах изнутри и снаружи затянуты тканью белого цвета, лишь один раз за всю экспедицию нам встретилась розовая юрта и один раз голубая.

Современная монгольская юрта совмещает в себе традиционные и современные элементы, но традиционных в ней явно больше. Как и в древности, юрты всегда обращены входом на юг. Южное направление наиболее почитаемое в монгольской культуре. Сохранилось традиционное разделение юрты на мужскую и женскую части, если стоять в центре, лицом ко входу, то справа располагается мужская половина, а слева - женская. Еду нам всегда подавали на мужской половине, здесь же мы и спали, когда ночевали в юрте. Женщины готовят, занимаются хозяйственными делами и спят на своей левой половине.

Сохранилось и традиционное представление о том, что расположенная напротив входа часть юрты является наиболее сакральной и почетной. Раньше здесь располагался небольшой домашний алтарь, теперь это редкость; как правило, его место занимает большая застекленная рамка с фотографиями родителей, родственников и членов семьи. Сюда же, напротив входа, до сих пор положено сажать наиболее почетных гостей. Так, когда мы ночевали в юрте у монгола Чимета, он предварительно выяснил, кто в нашем отряде главный, и когда ему сказали, что я, усадил на почетное место напротив входа. Однако сидеть в отдалении от своих товарищей было весьма неудобно, и я в итоге оттуда сбежал, несмотря на возражения хозяина.

Порог у дверной рамы юрты высокий, и задевать его ногой при входе и выходе нельзя. В древности считалось, что этим можно навлечь несчастье на хозяев юрты, сейчас это просто неэтично.

Кошмы, покрывающие стены юрты, как правило, не доходят до пола на 10-15 см. Остающаяся щель забирается сеткой и поверх нее тканью. Это делается в целях предохранения кошм от разрушающего контакта с влажным грунтом. Кроме того, в жаркое время ткань откидывается и через этот просвет осуществляется вентиляция юрты, а вывешенная сетка защищает от проникновения кровососущих насекомых.

В центральной части каждой юрты установлены два опорных

столба. Внутренний интерьер юрт сохранил в себе мало традиционных черт. Полы теперь обыкновенно покрывают досками, а не кошами. В центре устанавливается не очаг, а печка-буржуйка, которой в летнее время предпочитают не пользоваться, готовя, как правило, в очаге на улице, расположенном за небольшой загородкой. Вдоль стен по кругу стоят кровати, как правило, советские, металлические, с панцирной сеткой. Между ними установлены комоды и секретеры, над ними висят часы и календарь. По всей Монголии мы видели в юртах только два красочных календаря, на одном изображена походная повозка Чингисхана с охраняющими ее воинами, а на втором - портреты чемпионов по борьбе сумо. В мужской половине стоит обеденный стол.

Огонь на кочевьях поддерживают традиционным топливом, кизяком - сушеным пометом домашних животных; а также дровами и углем. У многих юрт можно увидеть специальные загородки, в которых сушится и хранится кизяк - аналоги наших полениц с зимними запасами дров.

Когда мы шли по западной и центральной Монголии, было очень дождливое время. В некоторых юртах мы видели высоко подвешенные к деревянному каркасу завязанные полиэтиленовые мешочки, наполненные водой. Только в Улан-Баторе удалось уточнить смысл этого обряда - такие емкости, сдерживающие воду, должны обеспечить непромокаемость юрты даже во время самых сильных дождей. Это классический пример существования симпатической магии в современных условиях.

Монгольские женщины переодеваются в юрте при посторонних следующим образом: они становятся на своей половине спиной к гостям, набрасывают себе на плечи одеяло и дальше спокойно выполняют все необходимые им действия.

Во внутрисемейном распределении ролей сохранилась традиционная основа. Мужская работа - все, что делается в степи; женская работа - все, что делается в юрте. Мы наблюдали, как хозяйка с дочерью лихо-радочно пытались остановить потоки воды, устремившиеся в юрту во время сильнейшего дождя, а брат хозяйки, тем временем, продолжал неспешную беседу с нами - все эти проблемы его не касались.

В бытовой культуре сохранилось еще одно традиционное правило: пищу и напитки можно и подавать, и принимать только правой рукой; в знак особого почтения - поддерживая правую руку левой. Единственный раз и то, слава Богу, в Улан-Баторе я, забывшись, нарушил это правило и подал монголу кружку левой рукой, за что незамедлительно удостоился отповеди не от него самого, а от его русского начальника. Подавать левой рукой значит давать не от

сердца и желать плохого.

Монгольская традиционная одежда до сих пор часто используется в быту. Это длинный халат серого, синего или зеленого цвета, который запахивается и перехватывается широким желтым, желто-зеленым или желто-красным поясом. Такую повседневную одежду носят многие мужчины и женщины старшего возраста, иногда ее одевает и молодежь.

ГУАНЗ

Очень интересны монгольские столовые - *гуанз*. Они расположены вдоль всех достаточно оживленных дорог, в поселках и городах, на базарах. Городские *гуанз*, как правило, - небольшие специализированные домики или вагончики. А вдоль дорог в качестве *гуанз* выступают обычные юрты, в которых живут семьи скотоводов. Если такая юрта стоит недалеко от дороги, то в ней часто прирабатывают тем, что кормят проезжающих. Тогда рядом с юртой устанавливают небрежно нарисованную от руки табличку - "*гуанз*".

Набор блюд, как в придорожных, так и в городских столовых весьма традиционен. Основу питания составляет мясо, чаще всего, баранина - *хонины маха*. В качестве гарнира к тушеной баранине подают рис, картошку с овощами либо готовят густой мясной суп с лапшой и иногда картошкой. Очень популярны *бозы* - похожие на манты изделия из теста с начинкой в виде рубленого мяса с луком и жиром, готовящиеся на пару. В городе, кроме того, в столовых предлагают салаты: *батсайны-сапат* - капустный; несглег-салат - что-то типа оливье, но без колбасы; и *огурцы-помидорын* салат - здесь перевод не нужен. Самым распространенным напитком является сутэй-цай-традиционный центрально-азиатский черный чай с молоком, щепоткой соли и кусочком масла или жира. Его подают на стол сразу, в термосе, пока еда еще готовится - и как не странно для нас звучит набор его ингредиентов, это оказался очень приличный напиток. Нас очень удивило, что абсолютно во всех монгольских *гуанзах* в западной, центральной и северо-восточной Монголии и в самом Улан-Баторе на стол ставят один и тот же вид кетчупа, это "Балтимор-Чили" хабаровского производства. Рационально объяснить этот феномен мы не можем. Хлеб (*талх*) бывает только в столичных *гуанз*, в провинции его не едят, зато встречаются традиционные сыры и выпечка.

Еда в Монголии, на наши цены, очень дешева. Очень хороший обед в провинциальной *гуанз* обойдется в среднем в 900 тугриков пересчете на наши деньги это 22,5 руб. В Улан-Баторе такой же обед будет стоить не более 1100 тугриков - 27,5 руб., что не составляет существенной разницы.

В монгольских *гуаз* рассчитываются только после завершения

обеда. Не принято заранее спрашивать цену - когда все закончат трапезу, хозяйка ее сообщит, И в этих расчетах прекрасно проявляется монгольский искренний характер. С нас, иностранцев, практически не знающих языка, да еще и после оказания услуги, никто ни разу не попытался содрать завышенную цену - нас строго рассчитывали по той же цене, что и остальных, монгольских, посетителей.

Придорожные гуанз в небольших домиках в стационарных поселках у дорог - удивительный образец традиционных харчевен, когда в одном и том же здании расположены: обеденная зала, спальни для гостей и жилье семьи хозяина. Только все это в Монголии очень маленькое. Как правило, центральная комната напротив входа - помещение для приема пищи, здесь стоит несколько столиков и китайские пластмассовые табуретки, К ней примыкают с двух сторон комната хозяев, в которой также готовят еду, и гостевая спальня. Во всю длину этой спальни делается топчан, так, что он занимает основное пространство комнаты, и свободным остается лишь небольшой проход. На этом топчане укладываются на ночь до 10-15 человек - столько, обычно, и перемещается по дорогам в одном УАЗике.

ПРОДУКТЫ

Монгольские базары скорее похожи на российские, чем на среднеазиатские, и, прежде всего, поведением продавцов. Они держат себя спокойно и с достоинством, по возможности, привлекая покупателей, но не зазывая их со среднеазиатской навязчивостью. Особого разнообразия продуктов на монгольских базарах нет, его демонстрируют только мясные ряды, где среди привычных нам сортов мяса: баранина, говядина, свинина и конина продается и *яманы-маха* (козлятина), и *тымены-маха* (верблюжатина); и вырезки, и сердца, и почки - все это очень свежее, качественное, по цене от 1200 до 1500 тугриков (30-37,5 руб.) за килограмм. Овощные ряды достаточно бедные, впрочем, все необходимое в них есть. Это вообще характерно для Монголии - необходимое здесь имеется в достатке, а никаких излишеств нет и не надо. Все остальные палатки удивительно похожи друг на друга: в каждой из них - мука русская и мука китайская, рис, сахар, чай, макароны "Макфа", бурятская минералка "Кука" (редкая гадость), изредка газировка и табак.

Из магазинных продуктов наибольшее впечатление на нас произвела монгольская колбаса, она делается из настоящего мяса, а не из докрашенной смеси сои с туалетной бумагой, как у нас; а также весьма распространенный морковно-апельсиновый сок - это немножко дикое на слух сочетание оказывается удивительно хорошим и освежающим вкусом.

В магазинах присутствует довольно большой выбор алкогольных напитков, прежде всего, монгольской водки, практически не отличающейся от своего русского прототипа. Самая качественная и дорогая называется "Чингисхан". Хорошее впечатление производит монгольское пиво "Боргио". Изредка можно встретить болгарские и молдавские вина.

Продуктовые магазины (*хуусний дэлгур*) поразили нас в провинциальной Монголии - вернее, не сами магазины, а поведение их продавцов. Когда мы заходили в маленький сомонный магазинчик и здоровались по-монгольски ("*Сайн байна уу*"), улыбающаяся продавщица протягивала нам коробочку с каким-нибудь мелким угощением - конфеты, печенье, вафельки. Не взять значит обидеть, ведь это самое обыкновенное выражение гостеприимства. Но вы только представьте себе, что в России при входе в магазин вас сразу начинают чем-либо угощать, такое возможно только в рамках какой-нибудь рекламной кампании. Несомненно, когда люди живут небольшими коллективами среди прекрасного, но очень нелегкого для жизни мира, между ними устанавливаются гораздо более теплые человеческие отношения, чем в нашей отчужденной урбанистической среде.

ЗДОРОВЬЕ

Судя по всему, что нам довелось увидеть, монголы - весьма здоровый народ. Живя на природе или в городах, практически не имеющих промышленности и продуваемых степными ветрами от автомобильных выхлопов, они сохраняют природное здоровье, которое не требует существенного вмешательства современной медицины. Нам не встречалось изможденных, тяжело больных людей. Не много и следов европейской медицины - аптеки и больницы весьма немногочисленны. На базарах можно встретить во множестве традиционные лекарственные средства - травы, коренья, древесные грибы. Вероятно, они играют свою важную роль в сохранении здоровья народа.

На улицах Улан-Батора иногда встречаются люди в марлевых повязках. Их носят некоторые из тех, кто по сфере своей деятельности постоянно находится в общении с большим количеством людей, а также люди, испытывающие недомогание. Здесь принято, заболев простудой, носить в общественных местах марлевую повязку, чтобы не заражать окружающих. Вероятно, это результат китайского влияния.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Археологические памятники Монголии удивительно разнообразны и отличаются прекрасным состоянием, совсем немногие из них разрушены хозяйственной деятельностью или археологическими раскопками. Искать их помогает редкий, невысокий травяной покров - такие эффективные разведки возможны в нашей степи лишь ранней весной, после прошедших палов. Древние каменные конструкции здесь практически не задернованы и замечательно читаются на местности.

Нас в первую очередь интересовали культовые комплексы эпохи кочевников: удалось обследовать целую серию как уже известных, так и вновь открытых памятников такого рода. В первую очередь, это *херексуры* - огромные сооружения в форме квадратных или круглых каменных оград до 50 м в диаметре, в центре которых возведена полусферическая каменная насыпь, а по периферии встречаются дополнительные сооружения: небольшие каменные кольца, оградки, отдельно стоящие менгиры. В Монголии раскопано уже свыше 70 таких сооружений, но лишь под некоторыми из них оказались погребения преимущественно эпохи ранних кочевников. Не вызывает сомнений культовое назначение этих памятников. Возможно, с традицией их сооружения генетически связаны распространенные позднее в урало-казахстанской степи ритуальные курганы "с усами" - огромными каменными грядами, которые можно интерпретировать как культовые комплексы, обращенные к почитанию Неба. С культом Неба связаны, скорее всего, и монгольские херексуры.

Монголия поражает обилием и разнообразием погребальных памятников, гораздо большим, чем в нашей степи. Целые поля огромных каменных курганов: как одиночных насыпей, так и заключенных в квадратные ограды с невысокими курганами либо менгирами по углам; тюркские поминальные оградки, от которых на восток тянутся *аллеи балбалов* - ряды вертикально установленных камней, имеющие длину от 300 м до 2 км. Материалы их исследований убедительно свидетельствуют о том, что именно здесь располагались в древности центры развития и распространения великих кочевых культур.

Нам удалось обследовать в Монголии и несколько одиночных менгиров - крупных, вертикально стоящих камней без выраженной обработки и без всяких изображений. Эти памятники, в отличие от более зрелищных "каменных баб" и оленьих камней, практически не представлены в научных публикациях. Работы последних лет в степном Зауралье позволили уверенно датировать значительную часть таких памятников эпохой бронзы и определить их как культовые со-

оружия, связанные с долговременными поселениями. В Монголии нами были обнаружены менгиры, маркирующие перевалы, также связанные с разновременными погребальными площадками. Датировка монгольских менгиров пока затруднительна.

КАРАКОРУМ

Дважды в ходе экспедиционных работ мы выезжали на развалины древней столицы Монгольской империи, города Каракорум. Они расположены в плодородной долине Орхона, вблизи сомона Хара-Хорин, у стен буддийского монастыря Эрдени-цзу, одного из старейших монастырей Монголии. Эта долина знаменита в истории евразийской степи. На протяжении 60 км, параллельно вырвавшемуся из ущелий Хангая Орхону течет в ней его приток Хугшин-Орхон. В образованном этими реками небольшом междуречье самые плодородные почвы и самый богатый травостой во всей Монголии. Потому именно в этой долине находились ставки великих степных империй: Тюркского каганата, Уйгурского каганата и Монгольской империи. Кстати, в современной Монголии многие политики склоняются к идее переносе столицы из Улан-Батора в долину Орхона, в район Хара-Хорина.

Издали виден белый квадрат стен Эрдени-цзу, над которыми возвышаются 108 белых *субурганов* - буддийских культовых башенок. У главных, южных ворот монастыря большое скопление машин и туристов. Этот район представляет собой основной туристический центр Монголии, и атмосфера бизнеса пропитывает все вокруг. В самом монастыре большая часть огромной площади - пустырь, когда-то стоявшие здесь постройки давно разрушены. Сохранился действующий комплекс из нескольких храмов псевдокитайской архитектуры. Рядом с ними расположены небольшие беседки с молитвенными колесами, которые крутят правоверные буддисты, и пара небольших лавочек, торгующих сувенирами и прохладительными напитками. За северными воротами монастыря раскинулся небольшой базар, специализирующийся на торговле сувенирами.

К северу от Эрдени-цзу лежат развалины Каракорума. На местности хорошо читается почти правильный прямоугольник развала крепостных стен размером 1,5 x 1,0 км. Валы на месте крепостных стен имеют ширину до 20 м и высоту до 2 м, они сложены речным песком с примесью мелкой гальки. На площадке городища хорошо фиксируются развалины отдельных домов, вытянутые рядами вдоль двух пересекающихся в центре города улиц. В юго-восточной части города, неподалеку от монастырских стен возвышается искусственный холм, на котором был возведен дворец монгольских императоров.

ров - так называемый "дворец Угедея". Здесь принимали послов, князей и ханов со всей Евразии, здесь в XIII в. определялось течение евразийской истории. Основанный в 1220 г. Чингисханом Каракорум был разрушен в 1380 г. войсками китайской династии Мин и более не возродился.

В 1948-1949 гг. раскопки Каракорума вела экспедиция известного советского археолога С.В. Киселева. С 2001 г. его исследуют немецкие археологи совместно с монгольскими коллегами. Мы познакомились и, практически, подружились здесь с одним из археологов Боннского университета Кристиной Франкен, интересной девушкой и прекрасным полевиком. Вместе с ней мы осматривали раскопы, изучали полученные материалы. Сейчас немецкая экспедиция завершает работы в центральной части дворца Угедея. Они уже сняли все верхние слои и вышли по всей площади на уровень пола. Зачищены сохранившиеся участки цветной керамической плитки, которой был выложен пол дворца, а также гранитные основания колонн, стоявших параллельными рядами по всей его площади; сделаны разрезы многослойной искусственной насыпи, на которой был возведен дворец, чтобы господствовать над всем окружающим пространством.

К югу от дворца немецкими археологами расчищен целый комплекс огромных печей для обжига разноцветной керамической плитки, использовавшейся при оформлении дворцовых интерьеров. По их словам, применявшаяся здесь технология практически без изменений перенесена из Китая. К востоку от дворца, на меридиональной улице находится еще один раскоп, в котором удалось зафиксировать основания нескольких разновременных построек.

После осмотра материалов приходим к выводу - все это, конечно, очень интересно, но безмерно далеко от степной, кочевой культуры. Как Улан-Батор в современной Монголии выглядит чужеродным включением, выплеском урбанистической цивилизации; так же и Каракорум XIII-XIV вв. был городом смешения китайской, уйгурской, мусульманской культур, но менее всего он представлял собственно степную, монгольскую культуру. Здесь побежденные одержали верх над победителями. Они предложили степнякам свой разукрашенный комфорт, отточенный в городах, а степняки приняли все это и перестали быть степняками, и были вырезаны своими городскими вассалами.

ТУРИСТЫ

Развитие экологического и исторического туризма является одним из приоритетных направлений современной монгольской политики. Организуются туристические фирмы, издаются атласы и путеводители. Собственно, только эта политика и привела к созданию трассы с асфальтовым покрытием от Улан-Батора до Хара-Хорина, главного туристического центра страны.

Монголия привлекает внимание европейских туристов сохранившейся традиционной культурой и ненарушенным природным разнообразием. Те из них, что ездят на больших автобусах и всюду ходят только с сопровождением, никакого интереса не представляют - туристическое стадо, оно стадо и есть хоть в Монголии, хоть в Москве, хоть в Египте. А вот среди европейцев, "погружающихся" в своих путешествиях в реальное пространство Монголии, встречаются очень интересные люди, вызывающие искреннее восхищение своей смелостью и упорством. Они путешествуют на свой страх и риск небольшими группами пешком, на велосипедах или мотоциклах. Все они с радостью общались на нашем слабом (особенно после отъезда Евгения) английском, поскольку в Монголии чужая языковая среда действует несколько угнетающе и с каждым увиденным "бледнолицым" возникает обоюдное желание перекинуться хотя бы несколькими фразами пусть не на родном, но хоть на более-менее понятном наречии.

В самом начале экспедиции, в горах Монгольского Алтая, нам встретился небольшой старый микроавтобус "Фольксваген-транспортер". Он был почти под крышу забит людьми и вещами, и ехала на нем бравая команда молодых и не очень венгров из своей Венгрии через всю Россию в центральную Монголию, к буддийским святыням. Не знаю, удалось ли им добраться туда на своей не очень приспособленной к этим дорогам, порядком потрепанной машине.

Чуть дальше мы встретили двух девушек из Барселоны, ехавших на велосипедах с минимальными тючками вещей на багажниках. Они вылетели из Улан-Батора в Ховд и теперь предпринимали длительное путешествие в обратную сторону. Совершенно отчаянные девушки - вдвоем, не зная ни монгольского, ни русского языка, с минимумом вещей, по очень тяжелым горным дорогам.

На перевале у озера Ачит-Нуур мы повстречали молодого японца, который в одиночку под рюкзаком пересек огромный хребет Тургэн-Уул и направлялся дальше на запад. С большой благодарностью он принял от нас полторашку воды - свои запасы уже кончились, а до озера было еще несколько километров. Позднее, на базаре Хара-Хо-

рина, в небольшой гуанз мы познакомились с молодой французской парой - они уже пятую неделю путешествовали по Монголии под рюкзаками. А в процессе ожидания обратного выезда на погранпосту в Алтан-Булаке мы сдружились с двумя поляками, прошедшими Россию и Монголию на мощных немецких мотоциклах; и немецкой парой на велосипедах. От всех этих встреч возникало чувство восхищения человеческими силами и упорством.

ВАЛЮТЫ И ЯЗЫКИ

В Монголии нам приходилось оперировать четырьмя валютами и общаться на четырех языках. Четыре валюты, это, понятно: тугрик, рубль, доллар и евро. А вот с четырьмя языками вышло гораздо интереснее.

Первый язык, конечно, монгольский. Какой-то набор слов и выражений нам удалось выучить заранее. Начали, естественно, со "здравствуйте" ("*сайн байна уу*") и "спасибо" ("*баярлалаа*"), а там уже освоили и более сложные обороты. Но, все таки, наш уровень понимания монгольского языка был весьма невысок. То есть спросить "Где мост?" или "Есть ли мясо?" у нас получалось, а вот разобратся в ответе - не всегда, а уж по душам поговорить - не стоило даже стараться.

Второй язык - русский. В Монголии им владеет не так мало людей, но главным образом в городах. Его помнят все научные сотрудники, многие чиновники, иногда, даже продавцы и таксисты. А вот в провинции с этим сложнее. Здесь русский знают только люди старшего поколения, когда-то учившиеся в России, как правило, в ПТУ - слесаря, механики. А скотоводы знают наш язык очень редко.

Третий язык - английский, язык молодых продвинутых монгол. Вот только беседовать с таковыми нам пришлось всего пару раз. И не потому, что их там нет, а потому, что нам совершенно не надо было туда, где они есть: в банки, представительства западных компаний. Зато английский был нашим универсальным языком общения со всеми бледнолицыми: от французов и немцев до венгров и даже, признаться честно, поляков. Тут что хорошо, что он нам всем не родной, и знаем мы его не то, чтобы уж очень, а значит: словарный запас более-менее совпадает и грамматические конструкции применяем попримитивнее. Хорошо, что нам там англичан не попало, вот с ними не знаю, как бы получилось общение на английском.

А вот четвертый язык, представьте себе, татарский. И он нас здорово выручил, не только сам язык, но и его носитель, участник экспедиции Евгений Галиуллин. Когда мы только заехали в Монголию:

еще ничего здесь толком не зная, ни с кем толком не умея объясниться, он просто спасал нас своим языком. Потому что в западных районах Монголии живут, главным образом, казахи. А что казахский, что татарский от общетюркского не так далеко ушли и различаются, скорее, некоторыми аспектами произношения. Евгений их учитывал - и спокойно общался с монгольскими казахами, "выживая" из них нужную нам информацию.

ИМЯ

Нас очень заинтересовала монгольская система написания Ф.И.О. Отчество, как таковых, у монголов нет, есть только имя и фамилия. По российской привычке, видя написанным, например, "И. Саруул", мы полагали, что "И." - это сокращение имени, а "Саруул" - полное написание фамилии. Все оказалось в точности наоборот! Монголы, напротив, сокращают фамилию, а после нее пишут полностью имя, и обращаются всегда друг к другу по имени, даже в официальной обстановке. Как объяснил нам по этому поводу этнограф Ишджамц Саруул: "Главное - это сам человек, его имя, а не то, из какого он рода". При этом стоит заметить, что имена у монголов гораздо разнообразнее, чем наши, и практически все имеют свое значение на монгольском языке.

РЫБАЛКА

Особое слово стоит сказать о рыбе и о рыбалке. Сток рек в Монголии не зарегулирован плотинами, вода чистая, поэтому рыбы - море. Традиционно монголы не увлекались рыбалкой, и рыбу за нормальную еду вообще не считали. Ею питались только в самых крайних случаях: как, например, семья Есугай-баатура, отца Темучина, будущего Чингисхана. После того, как сам Есугай-баатур умер, отравленный врагами, а люди после смерти вождя бросили на произвол судьбы его вдову Оэлун с маленькими детьми, самой Оэлун и будущему Чингисхану приходилось ловить рыбу и есть ее, но это было выражением крайней степени бедности. В последние годы, вероятно, не без влияния русской культуры многие монголы пристрастились к рыбалке. Вот только они всегда рыбачат удочками или спиннингами, а мы-то в России привыкли пользоваться сетками, как более эффективным инструментом.

Сам я, впрочем, совершенно не рыбак. Это дело досконально знает и любит Андрей, а ему помогали сначала Евгений, а во второй половине экспедиции, после его отлета Сергей. Редко удавалось по-

ставить сетки в такие места, которые в России считаются рыбными, для этого нужно было бы специально под рыбалку выбирать место стоянки лагеря; нам же, как правило, было не до того. Тем более потрясали результаты. На первой же рыбалке, на озере Хяргас-Нуур в западной Монголии, Андрей поставил четыре сетки и вытащил двух крупных рыб из них в тот же вечер. Наутро они с Евгением завалили лагерь добычей: десяток огромных рыбин длиной от 80 см до метра и множество менее крупных, всего более 200 кг рыбы. Мы засолили огромное ведро, нажарили с запасом, а остальное были вынуждены скормить чайкам. Правда, так и не разобрались окончательно, что это была за рыба, биологи в Улан-Баторе говорили, что, скорее всего, *осман* - местный эндемик, но к единому мнению не пришли. После этого оглушительного опыта четыре сетки мы больше никогда не ставили - одну, от силы две.

Потом были еще уловы - многочисленный окунь в Орхоне, ленок, хариус и даже таймень в Керулуне. В самых неподходящих для рыбалки местах сетка неизменно приносила улов. Кроме того, Сергей весьма результативно рыбачил удочкой на кузнечика. Рыба составила значительный элемент нашего рациона, и можно только присоединиться к восторженным отзывам авторов, уже писавших о невероятной монгольской рыбалке.

ПОСЕЛКИ И ГОРОДА

Все монгольские населенные пункты можно подразделить на кочевья, сомоны, аймачные центры и города. При этом в Монголии живет немногим больше двух млн. человек, и эту страну отличает одна из самых низких плотностей населения в мире.

Ландшафтная география кочевий существенно отличается от системы расположения стационарных степных поселков в России. Наши населенные пункты привязаны, прежде всего, к водным артериям и расположены вдоль берегов рек и озер. В Монголии нас, поначалу, удивляла пустота берегов огромных водных пространств. Позднее мы поняли, что наличие обширных водных источников само по себе не играет никого значения для небольших кочевий. Главное при выборе их расположения - это наличие вокруг хороших пастбищ. Юрты стоят, как правило, в зеленых долинах среди холмов или гор, под их защитой, вдоль небольших ручьев и речек, которые с лихвой удовлетворяют все потребности в воде. Стекающая с холмов и увлажняющая долины дождевая вода обеспечивает лучший травостой, чем на берегах крупных водоемов, многие из которых в той или иной мере засолены.

Монголы-скотоводы живут не очень богато, но отнюдь не бедствуют и не голодают, эффективное хозяйство позволяет им поддерживать вполне приемлемый уровень жизни. На многих кочевьях рядом с юртами стоят солнечные батареи и спутниковые антенны, обеспечивающие работу телевизоров. Здесь же можно увидеть трактора и грузовики, как правило, советского производства, использующиеся при откочевках.

В предгорьях и у высоких холмов можно встретить зимники - деревянные загоны для скота, часто традиционной шестиугольной формы, с одной стороны к которым пристроены деревянные сараи с открытой стенкой в сторону загона. Рядом с ними иногда встречаются пустые деревянные домики или вагончики. В теплое время года эти строения не используются, а зимой сюда загоняют скот в промежутках между тебеневками - здесь ему теплее и безопаснее, чем в открытой холодной степи.

Сомоны - небольшие стационарные поселки, соответствуют в нашем понимании центральным усадьбам сельских хозяйств. Архитектура сомонов западной Монголии носит отчетливый среднеазиатский отпечаток - множество прямоугольных домов-мазанок с плоской крышей. В центральной и восточной Монголии сомонная архитектура больше связана с русскими традициями - деревянные и кирпичные дома под треугольными крышами, привычных нам конструкций. В каждом сомоне есть бензозаправка, почта, несколько небольших продуктовых магазинов, здание местной администрации. На окраине некоторых из них стоят небольшие буддийские храмы - *дацаны*, в архитектуре которых хорошо заметно китайское влияние. В западных районах, населенных казахами, в сомонах встречаются небольшие мечети среднеазиатского облика. Судя по всему, значительная часть сомонных строений используются в качестве зимников, а в летнее время пустуют.

Аймаками в Монголии называют крупные административно-территориальные единицы, соответствующие по размеру нашим областям, а по количеству населения - небольшим сельскохозяйственным районам. Аймачные центры представляют собой, по российской классификации, крупные села либо поселки городского типа. В центральной части они образованы регулярной застройкой, преимущественно в советском стиле. На окраинах многих аймачных центров располагаются стационарные юртовые поселки. Юрты стоят здесь вдоль улиц, каждая на своем небольшом участке, окруженном деревянным забором. На этом участке сооружаются небольшие надворные постройки, а к самим юртам, как правило, подводится электричество. Население аймачных центров живет, главным образом,

государственной службой, а так же работой в сфере торговли и обслуживания. Рядом с ними расположены небольшие аэродромы, на которые регулярно садятся самолеты из Улан-Батора.

Городов, в нашем понимании этого слова, в Монголии всего четыре. Это небольшие (по нашим меркам) промышленные центры Дархан (Кузнец), Эрдэнэт (Сокровищница) и Сухэ-Батор с населением в несколько десятков тысяч человек и сама столица - Улан-Батор.

УЛАН-БАТОР

Улан-Батор (по-монгольски Уланбаатар, "Красный богатырь") до революции назывался Урга и был крупным религиозным центром. Говорят, что сейчас его население достигло 1 млн. человек, хотя доперестроечная цифра - порядка 350 тыс. - представляется более правдоподобной. Это достаточно красивый и чистый город, с хорошо знакомой нам советской архитектурой, вытянутый вдоль реки Туул у подножья прекрасной Богдо Уул (Священная гора).

Машин здесь много, движение по улицам города достаточно интенсивное. Водители не очень увлекаются соблюдением правил движения, каждый старается ехать туда, куда ему нужно, и периодически сигналист, если его что-либо не устраивает. Пешеходы не остаются в долгу. Только в Улан-Баторе мне приходилось наблюдать это замечательное зрелище - люди переходят улицу в любых местах, отвернувшись в сторону от потока автотранспорта, с полнейшим безразличием к движущимся машинам. Несмотря на все это, аварий практически нет - монголы хорошие водители, обладающие прекрасным чувством движения и пространства.

Дорожные полицейские, которых в Монголии можно увидеть только на городских улицах, одеты в строгую черно-белую форму и восхитили нас своими жезлами. Они не черно-белые, как в России, а имеют черную рукоять и длинное розово-красное продолжение, вызывающее весьма своеобразные ассоциации.

Полицейские довольно часто останавливают монгольских водителей, но нашу машину не тормозили ни разу, несмотря на ее несколько необычную для Монголии модель, иностранные номера и наши откровенно русские бородатые физиономии. Этим они разительно отличаются как от российских, так и от казахстанских ГАИшников. Вообще в Монголии мы чувствовали себя удивительно свободно, не ощущая на себе никакого корыстного внимания представителей органов власти. Единственный раз, на площади у Улан-Баторского вокзала, куда мы въехали сразу после двухтысячекилометрового маршрута по монгольским степям в невероятно грязной машине, к

нам подошел полицейский, но даже не заикнулся о проверке документов. Ему просто было интересно пообщаться.

Своеобразный колорит создают Улан-Батору люди в марлевых повязках, работающие в качестве телефонов-автоматов. Едешь улице, а вдоль нее через каждые сто-двести метров стоят фигуры с замотанными белым лицами, и призывно размахивают большими радиотелефонами CDMA-формата. Звонок в пределах Улан-Батора - 150 тугриков (3,75 руб.) за минуту.

Национальный исторический музей в центре Улан-Батора увенчан замечательной надписью: "Come and See history of the Steppe". Его личает потрясающее богатство археологических и этнографических материалов и весьма посредственное оформление экспозиций, чуть ли не на уровне наших районных музеев. Как заметил после посещения музея Андрей в экспедиционном дневнике: "Здесь нет: освещения, системности и бабушек в каждом зале. Впрочем, отсутствие системности - это вообще по-монгольски". Добавим, однако, что русские по жизни тоже берут, как правило, отнюдь не системностью.

Потрясающие материалы, особенно по палеонтологии, представлены в Музее естественной истории, расположенном неподалеку от исторического. К сожалению, с оформлением и освещением здесь тоже есть проблемы, а в некоторые залы удается пройти только после долгих объяснений и поисков ключей.

Вообще, из всех музейных экспозиций, которые мы видели в Улан-Баторе, самое приятное впечатление произвел кабинет этнологии в Монгольском государственном университете, любезно продемонстрированный нам профессором Г. Церенкханд. Вот здесь на самом деле замечательно интересный материал вполне адекватен его прекрасному представлению.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Традиционный монгольский погребальный обряд предполагал выкладывание покойных на землю в стороне от кочевья с тем, чтобы мертвое тело было съедено хищными зверями и птицами. Российские биологи рассказывали нам, что еще помнят времена, когда среди юрт можно было увидеть собаку, увлеченно грызущую человеческую ногу. Этот обряд определялся, прежде всего, трепетным отношением монголов к спокойствию земли - считалось, что его нельзя нарушать, копая какие-либо ямы. Сейчас, однако, он сохранился только в самых отдаленных районах, и нам с ним сталкиваться не довелось. У большинства сомонов и аймачных центров появились кладбища. Они располагаются, как правило, к северо-востоку от поселка, на склоне

храма, на расстоянии прямой видимости. Хоронят умерших на спине, ориентируя погребение ногами к поселку, так, чтобы лежа погребенный мог как бы, смотреть в сторону жилья. Над могилой делают большую насыпь, ставят каменную плиту или, значительно реже, большой металлический памятник.

БУРХАН-ХАЛДУН

Одной из главных задач нашей экспедиции было изучение традиционной культовой практики, связанной с почитанием горы Бурхан-Халдун. В мифологии монгольских народов эта священная вершина хорошо известна. Ее почитание связано с образом Чингисхана, который традиционно воспринимается не просто как создатель Монгольской империи, но как культурный и эпический герой, посланец вечного Синего Неба. О погребении Чингисхана в местности Бурхан-Халдун сообщается в Сборнике летописей Рашид-ад-дина, официального историографа Монгольской империи. Он повествует, что в этой же местности был похоронен сын Чингисхана Тулуй и иные его потомки: ханы Менке, Хубилай, Ариг-буга и другие Чингизиды. Рашид-ад-дин сообщает о существовании на Бурхан-Халдуне особых святилищ, в которых были установлены изображения священных предков, "там жгут постоянно фимиам и благовония".

Но не только Чингизиды оказались восприимчивы к сакральной силе Бурхан-Халдуна. Эта гора выступает географическим и сакральным средоточием всей средневековой (а, возможно, и более древней) истории монгольского народа. Согласно Сокровенному сказанию, записанному в 1240 г., здесь, на Бурхан-Халдуне, у истоков реки Онон, кочевали первоначально монголов Борте-Чино (Сивый волк) и Хо-Марал (Каурая лань). Их потомок в двенадцатом поколении Добун-Мерган встречает у этой вершины свою будущую жену Алан-гоа. Потомки пятого сына Алан-гоа - Бодончара - стали вождями монгольского народа. А сама эта пара соединяется в священном урочище Шинчи-баян-урянхай, "на котором были поставлены божества, владетели Бурхан-Халдуна" так, что духи Бурхан-Халдуна благословляли этот союз. Вероятнее всего, с сакральной силой горы связано и "духовное зрение" старшего брата Добун-Мергана, который прозревает далекое (а, фактически, и грядущее, давая толчок к соединению этой пары) именно с вершины Бурхан-Халдуна (Сокровенное сказание, § 4-6).

На Бурхан-Халдуне спасается во время набега меркитов молодой Темучин, позднее на курултае племен провозглашенный Чингисханом. Избежав смерти, он обращается с благодарностью к этой вер-

шине и завещает ее почитание своим потомкам. Именно здесь, по Бурхан-Халдуном, он и выбрал позднее место своего упокоения.

В монгольской традиции, представлявшей гору как обиталище духа-хозяина местности, им становился во многих случаях правитель окрестной территории после своей смерти. Традиционным было погребение этих правителей - нойонов - на вершинах гор. А дух основателя империи Чингисхана мыслился в средневековой Монголии как покровитель всей страны. Известны легенды о неведомой силе, оставившей людей, подходивших слишком близко к месту его погребения, и о гибели тех, кто пытался нарушить покой его гробницы.

Сакральное значение горы Бурхан-Халдун было связано и с почитанием истоков рек - ведь именно у ее откосов берут свое начало Онон и Керулен, главные артерии священной Родины монгольского народа. Сакральная сила священной горы воплощалась в чистоте и живительности этих рек.

Само название Бурхан-Халдун можно перевести как "священный пик" или "скала Бога" - от общемонгольского "бурхан" (дух, Бог) и древнемонгольского "халдун", в словаре С.А. Козина - "пик, скала".

Исследование топографических описаний средневековых монгольских источников позволяет сделать вывод о том, что под "местностью Бурхан-Халдун" Сборника летописей Рашид-ад-дина имелся в виду весь горный массив Хэнтэй в северо-восточной Монголии, а "вершина Бурхан-Халдун" Сокровенного сказания - это гора Хэнтэй-Хан (2452 м) либо ближайšie к ней вершины.

Работы на массиве Хэнтэй и в долине Керулена были проведены нами совместно с монгольским археологом З. Батсайханом. Экспедиция поднялась по Керулену от Багануура мимо сомона Монгонморит через перевал Босгот Тенгерийн Даваа до впадения в Керулен реки Богд и далее по долине Богд на массив горы Хэнтэй-Хан. Здесь был поставлен стационарный лагерь, от которого было совершено восхождение на вершину, воспринимающуюся в современной монгольской культуре как Бурхан-Халдун, и обследованы ее окрестности.

На современных монгольских картах и в историко-культурных сочинениях под названием "Бурхан-Халдун" фигурирует вершина высотой 2361 м, расположенная в центральной части Хэнтэй, в 12 км к западу - юго-западу от вершины Хэнтэй-Хан (Владыка Хэнтэй). Возможно, ее выбор не вполне связан с древней традицией и объясняется относительной доступностью этой горы. На хорошей машине, с очень опытным водителем и при большой доле везения к ее подножию можно добраться по очень плохим полевым дорогам, а дальше совершить пешее восхождение. К подножию самого Хэнтэй-Хана никакой проезд невозможен, и штурм его крутых откосов представ-

пляет собой даже более простую задачу, чем пеший маршрут по достижению этой горы - по глухой тайге, изрезанной притоками Онона и Керулена, курумниками и осыпями, без всяких пешеходных троп. К огромному сожалению, нам просто не хватило времени на это предприятие, и мы ограничились обследованием юго-западной вершины, почитаемой как Бурхан-Халдун в современной монгольской традиции как минимум с XVII в.

Первый культовый памятник, связанный с почитанием этой вершины, располагается к юго-востоку от сомона Монгонморит (Серебряный конь). Это ритуальные ворота перед священной местностью Их-Хориг (Запретное место). В их центральной части расположены три деревянных столба, установленные у полевой дороги. Центральный столб венчает изображение Чингисхана, западный - серебрястой лошади, а восточный - бурого медведя.

Выше по течению долина реки Керулен сужается между скалистыми холмами. Эта территория имеет традиционное название Ууд-Мод (Дверь дерева). Образ "двери" связан с приближением к Бурхан-Халдуну. Почитаемое дерево на этой территории известно сейчас на левом берегу Керулена, это старая лиственница с двумя параллельными стволами, растущая из самой середины херексура - культового комплекса эпохи ранних кочевников, представляющего собой кольцевую каменную оградку с центральной насыпью, на которой вокруг стволов лиственницы возведено невысокое обо. Нижние ветви лиственницы увешаны голубыми хадагами.

Единственный путь на Бурхан-Халдун ведет из долины Керулена в долину реки Богд через перевал Босгот Тенгерийн Даваа (перевал Порог Неба). Эта дорога очень тяжелая, малоезженная, часто идет по заболоченным местам. Незадолго до нас по ней не смог пройти отряд российско-монгольской биологической экспедиции на ГАЗ-66. Наша "Нива-Фора", однако, дорогу осилила.

Горы Хэнтэя покрыты густой кедрово-лиственничной тайгой. Реки неглубокие, очень чистые и быстрые, вода в них стремительно несется по каменному ложу. Стационарные поселки в горах Хэнтэя отсутствуют, стада не пасутся. Изредка можно встретить рыбаков и охотников. По их свидетельствам, паломники прибывают на Бурхан-Халдун, как правило, один раз в год, в районе 11 июля (праздник Надом). В другое время года здесь изредка бывают иностранные паломники, обыкновенно буряты.

Перевал Порог Неба невысок, но очень тяжел для машины, малейшая ошибка может привести к непоправимым последствиям. Никакой тяжелой техники, способной вытянуть машину, нет ближе сомона Монгонморит - а это более 70 км очень плохой дороги; но

даже мощный трактор не смог бы перетащить вышедшую из строя машину через крутые и при этом болотистые склоны перевала, прорезанные колеями, размытыми и растекшимися до невероятных размеров. На южном склоне здесь стоит голубой кузов от брошенного микроавтобуса. С перевальной точки открывается прекрасный вид на массив горы Хэнтэй-Хан, долину Керулена и впадающей в него реки Богд (Священная). Здесь расположено крупное обо - каменная насыпь двухметрового диаметра, на которой возведен деревянный шалаш со входом, обращенным на юг. Ветви шалаша украшены голубыми хадагами, на камнях обо лежат многочисленные приношения - деньги, пустые бутылки из-под водки, пачки чая и табака. Дальше дорога преодолевает в брод Керулен и движется на север по долине реки Богд, неоднократно пересекая саму реку. Дорога практически не ездженная, проходить ее приходится на пределе возможностей машины и ее водителя.

Ряд монгольских историков склоняются к отождествлению Богд с рекой Тенгелик Сокровенного сказания, по которой кочевало племя Алан-гоа и вдоль которой уходили от преследователей Борте и Хоахчин после нападения меркитов на кочевье семьи Темучина. Это предположение соответствует топографическим описаниям источников. В таком случае, само кочевье Темучина в местности Бурги-эрги должно было располагаться непосредственно в устье реки Богд (Тенгелик), где несколько расширившаяся долина Керулена позволяет выпастить небольшое количество скота.

Поднимаясь по правому берегу Керулена, мы обследовали местность в устье реки Баудлаг, между сомонами Багануур и Монгонморит, которая в современной монгольской культуре считается районом Бурги-эрги Сокровенного сказания. По информации Батсайхана, на склоне холма над высоким, обрывистым берегом, находили фрагменты керамики. Изучение площадки позволило установить, что здесь, вероятно, находилось древнее культовое место. Нами были собраны: хуннская керамика, фрагменты китайского фарфора XV-XVII в., ножевидная пластина и фрагменты костей животных. Расположение находок на крутом откосе холма непосредственно над высоким обрывом практически исключает их бытовое происхождение.

Вероятно, культовое место над речным обрывом близ устья реки Баудлаг почиталось задолго до Темучина, и культурная традиция просто связала его почитание с образом кочевья Чингисхана. Само же кочевье, судя по топографическим указаниям Сокровенного сказания, должно было находиться значительно севернее, вероятно, как раз у впадения Богд в Керулен.

Вид на Бурхан-Халдун открывается из долины Богд к северу от ее

устья. Священная гора возвышается над окружающими вершинами и имеет форму усеченного конуса, над верхней, ровной площадкой которого поднимается сама вершина.

Проезжа для автомашины дорога заканчивается у юго-восточного подножья горы, на невысоком уступе, возвышающимся над долиной; дальше через тайгу идут только конные и пешеходные тропы. Вдоль края уступа среди редких деревьев находится множество кострищ на местах стоянок паломников. В южной части площадки установлен необычный культовый памятник - деревянная конструкция двухметровой высоты в форме стрелы с оперением, вонзенной в небольшое каменное обо. "Оперение" выкрашено в зеленый цвет, а сама "стрела" увита голубыми хадагами. В северной части площадки, в стороне от кострищ, расположено крупное обо с деревянным "шалашом". На северо-запад от него уходит относительно натоптанная тропа к вершине горы.

Восхождение на вершину Бурхан-Халдун с юго-восточного склона горы возможно только по этой тропе. Она сразу начинает крутой подъем по густой кедрово-лиственничной тайге и через километр приводит к небольшой поляне с крупным культовым комплексом. Центральную часть комплекса составляет очень высокое шалашевидное обо, возведенное вокруг огромного кедра. К югу от него расположен ритуальный столик, а за ним два котла: один, врытый в землю, для айрага (кумыса), и второй, на треножнике - для варки мяса.

Отсюда тропа опять уходит на северо-запад. Длительное время идет очень тяжелый подъем по осыпям курумников, затем начинается высокогорный пояс тайги. Это самые приятные и красивые места на Бурхан-Халдуне. Леса много, главным образом, кедрового, но очень светло, потому что лес низкий, даже взрослые деревья в рост человека. На этих невысоких кедрах растут самые настоящие шишки, которые можно рвать прямо с земли, слегка пригибая вершину. Выступающие камни покрыты мхами разнообразных цветов и оттенков, между ними расстилаются целые поля брусники и голубики, встречаются сыроежки. Еще выше тропа поднимается на верхнее плато, покрытое курумниками и поросшее между ними редкой травой. Над плато возвышается вершина Бурхан-Халдуна - почти правильный усеченный конус, сложенный из крупных каменных обломков. С плато открывается великолепный вид на долину реки Богд, активно меандрирующей между гор, высокогорное озеро Хэнтэй-Нуур и окружающие вершины массива Хэнтэя. Никакие следы человеческой деятельности не видны с этой горы, одной из высочайших в северо-восточной Монголии. Здесь чувствуешь себя на самом деле наедине с великими горами и Вечным Небом.

Тропа поднимается на вершину с юга, огибает ее с западной стороны и затем спускается на юг с восточной: таким образом, паломник совершает обход вершины по направлению движения часовой стрелки. Вся верхняя площадка покрыта сотнями невысоких каменных пирамидок обо, которые сооружает каждый поднявшийся сюда паломник. В южной части площадки расположен крупный культовый комплекс, посвященный Чингисхану. Это огромное четырехугольное каменное обо, в центре которого установлен высокий деревянный столб с водруженной на него копией бунчуга (штандарта) Чингисхана (металлический цилиндр с навершием, украшенный изображениями хищных зверей, к которому прикреплена грива конских волос). К югу от него установлен каменный шест в форме копья с наконечником. По всем четырем углам обо возвышаются деревянные шесты с металлическими набалдашниками, а между ними развешаны разноцветные хадаги. На насыпи этого, посвященного Чингисхану обо в качестве приношений лежит множество деревянных мечей и сабель.

В наше время культовая практика на Бурхан-Халдуне включена в систему буддийской ритуальной деятельности, однако, своими корнями она уходит в древнюю тенгрианскую традицию. Почитая Бурхан-Халдун, монголы исполняют завет Темучина, возгласившего после своего спасения на этой горе: "Будем же каждое утро поклоняться (ползком взбираясь) ей и каждодневно возносить молитвы. Да разумеют потомки потомков моих!" И сказав так, он обернулся лицом к солнцу, как четки, на шею повесил свой пояс, за тесьму повесил на грудь шапку свою и, расстегнув (обнажив) свою грудь, девятикратно поклонился солнцу (в сторону солнца) и совершил (дал) кропление и молитву" (Сокровенное сказание, § 103).

В этом опыте молодого Чингисхана перед нами предстает начало ритуального взаимодействия человека и мира. Ощувив свою близость с миром, восприняв помощь от мира, человек чувствует потребность в ответном шаге. И в этом шаге проявляется и его благодарность, и радость от того, что мир понял его, радость общения с миром. Это еще не прагматическая схема "ты - мне, я - тебе", в попытке построения которой вырождаются поздние языческие культы. В этом искреннем ритуале чистая радость общения человека с природной силой. Он не просто поклоняется ей, он почитает ее. И заповедует это общение своим потомкам, самым дорогим для него людям.

БАЗА БИОЛОГОВ

Благодаря помощи директора Института истории Академии наук Монголии Ч. Дашдаваа мы смогли найти на окраине Улан-Батора удивительное место - единственный сохранившийся с советских времен совместный научный центр, базу российско-монгольской комплексной биологической экспедиции. Нас приютили на этой базе, отсюда мы совершали свои выезды на Хэнтэй и в долину Орхона. Безмерно хорошо было в этом, все-таки чужом для нас городе, найти островок Родины. Начальник базы, он же заместитель начальника экспедиции, Анатолий Дмитриевич Гунин приветил нас, выделил место для палаток и гараж для прицепа, провел в баню и усадил за стол с вином и шашлыками - что еще может быть надо людям после очень дальней и тяжелой дороги?

Биологи произвели на нас прекрасное впечатление. На своих потрепанных ГАЗ-66 они работают по всей Монголии; в маршрутах непрерывно находится несколько полевых отрядов. Полторы тонны бензина в огромный бак, установленный в кунге ГАЗона; мешок патронов к карабину под сиденье - и они не вылезают из полевых выездов месяцами. Лица потемневшие, волосы выгоревшие, движенья порывистые, в глазах задор - в общем, настоящие полевики.

ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

С конца XIX века монгольская историческая наука развивалась в постоянном взаимодействии с российской. Крупнейшие отечественные специалисты, такие, как Н.М. Ядринцев и В.В. Радлов в дореволюционной России; С.В. Киселев в середине XX века; Н.Л. Жуковская, А.П.Окладников, В.Е. Ларичев, и другие, работавшие в составе советско-монгольской историко-культурной экспедиции с середины 1960-х гг., приложили огромные усилия к раскрытию древней истории монгольских степей и традиционной культуры монгол.

Однако с началом 1990-х гг. в этом научном сотрудничестве наступил жестокий кризис. Финансирование нашей науки и в России, и в Монголии резко сократилось, совместная экспедиция прекратила свое существование, прекратились и совместные публикации. Организуемые сейчас при малейшей возможности экспедиции Сибирского отделения РАН позволили сохранить сам принцип научного взаимодействия, но не могут существенно изменить сложившуюся ситуацию. Мы же, уральцы, традиционно никак не связанные с экспедиционными работами в Монголии, практически не знали, в каком состоянии сейчас находится монгольская наука о древности. И были поражены тем, что увидели - эта наука не просто выжила здесь, она развивается и совершенствуется.

Да, с деньгами у них еще хуже, чем у нас, и ремонт в Институте истории не делали, похоже, с конца 1980-х гг. Да, им приходится работать, ориентируясь на иностранные деньги - теперь это, в первую очередь, деньги Запада и Японии. Ушли из жизни многие археологи и этнографы старшего поколения, и молодежь теперь встает на их место. Но они работают, расширяют экспедиционные исследования, создают новые, пусть даже небольшие, экспозиции, наращивают число и разнообразие публикаций. Вот только на русском языке их статьи давно уже не выходят.

Самое удивительное - как искренне они радовались нашему приезду, такому редкому в последние годы приезду русских исследователей. Вспоминали свое участие в экспедициях советских лет: с Деревянко, Ларичевым, Волковым, Петриным. Неоднократно звучали фразы: "Я двенадцать лет не говорил по-русски"; "А я пятнадцать лет не говорил по-русски", и следовал вывод: "Как хорошо опять вспомнить русский язык". И еще они спрашивали: "Почему вы нас бросили?". Что, интересно, могли мы им ответить?...

ПОСЛАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

Монгольский президент так же, как и наш, выступает с ежегодным посланием, только в этом послании больше глубинного смысла чем в новогодней речи нашего президента. Сперва он участвует в буддийском богослужении на Алтын-обо и только после него начинает свое выступление. В первую очередь он обращается к Тенгри - священному Небу. Можно ли найти более яркий пример продолжения древнего тенгрианства в современной монгольской культуре? После этого монгольский президент обращается к народам всех стран, и у него за спиной древняя традиция великой степной империи, охватывавшей четыре пятых Евразии, он чувствует себя вправе говорить к народам всего мира. Потом он выступает перед монгольским народом, а завершает свою речь обращением к духам рек, гор и долин Монголии. Где еще сохранилось такое серьезное отношение главы государственной власти к его главной, с точки зрения традиционной культуры, цели - поддержанию связи со всем пространством бытия своего народа, с природными стихиями своей страны?!

Такой предстала перед нами Монголия, прекрасная страна, сохранившая в своей современной жизни выверенные тысячелетиями смыслы - во взаимной жизни людей, в восприятии мира и в общении с ним. Такой открылась нам Великая Степь, вечно живая в своей радости и тревоге.

ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Вторая экспедиция Центра "Аркаим" в Центральную Азию состоялась в 2005 г. Работы были сосредоточены в Горном Алтае. В состав отряда под руководством автора вошли многолетние участники степных экспедиций по Зауралью: Алексей Данилов, выпускник экономического факультета, старший преподаватель Челябинского государственного университета и выпускники исторического факультета Вадим Пушкарев, продюсер из г. Екатеринбург, и Михаил Угаев, государственный служащий.

Экспедиция началась 1 августа 2005 г. и продлилась 20 дней. На этот раз наши исследования осуществлялись в принципиально ином формате: мы не вели разведку на тысячекилометровом пространстве, а методично изучали один принципиально важный участок -

Каракольскую долину в Онгудайском районе Республики Алтай. Эта долина является одним из современных центров развития духовной культуры на Алтае.

Впервые наш отряд заинтересовался проблемой религиозного возрождения в Онгудайском районе в 2004 г., когда при проезде по тракту мы познакомились в пос. Кош-Агач с Олегом Танаевичем Барнуловым и его супругой Александрой из пос. Онгудай. В 2005 г. сосредоточить исследования именно в Каракольской долине нам посоветовала Вера Якшиновна Кыдыева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай и Института алтаистики СО РАН, уроженка Каракольской долины из сеока майман. Мы последовали совету - и не пожалели об этом.

ГОРНЫЙ АЛТАЙ

Горный массив Алтая поделен сейчас между четырьмя государствами - Россией, Казахстаном, Монголией и Китаем. В российской части Алтайских гор расположена Республика Алтай - одна из наименее населенных территорий страны. Численность ее жителей составляет немногим более 200 тысяч человек, из которых порядка 50 тысяч проживает в единственном городе - столице республики Горно-Алтайске. Северная часть республики покрыта таежными лесами, в центральной пространство между поросшими тайгой хребтами занимают степные долины, а в юго-восточной среди безлесых гор раскинулись обширные степи и полупустыни. Собственно алтайцев в республике проживает около 60 тысяч человек, на севере преобладает русское население, а на юге живет довольно много казахов.

Столица республики Горно-Алтайск - достаточно интересный город. Он очень невелик и расположен среди горных хребтов, раскинувшихся со всех сторон и прекрасно видимых с любой городской улицы. В нем практически полностью отсутствует промышленность, а сочетание небольших размеров и столичного статуса приводит к очень интересным результатам. В частности, здесь неплохо развиты наука и образование: действует достаточно крупный университет, есть академический Институт алтаистики и весьма серьезный в плане научного потенциала Национальный музей Республики Алтай, активно издается научная и научно-популярная литература. Кроме того, нас, склонных к ностальгии по прошлому, совершенно заворожали такие мелочи, как фонтанчик с питьевой водой на автовокзале и городские телефоны-автоматы, работающие на 50-копеечных монетах.

Горный Алтай - одна из самых красивых и пока еще слабо поврежденных человеком территорий России. Промышленность здесь отсутствует, а основными занятиями населения являются скотоводство, сохранившее в себе традиционные черты, и лесной промысел. Значительный урон экосистемам Алтая наносят расширяющиеся лесозаготовки. Прекрасные горы и реки, знаменитое Телецкое озеро привлекают сюда все больше российских и зарубежных туристов, однако развитие туристической отрасли в значительной мере вступает в противоречие с охраной природы Алтая и сохранением традиционной культуры его населения. Эта удивительная земля, священная не только для ее жителей, но и для многих других народов Евразии, страдает сегодня теми же болезнями, что и весь современный мир.

В республике активно дискутируется два инвестиционных проекта, получающих активную поддержку в определенных кругах руководства России. Одни связывают с ними грядущее экономическое процветание Алтая, другие - серьезную угрозу для алтайской природы и культуры. Это проекты строительства автомобильной дороги в Китай через Монголию и сооружения каскада гидроэлектростанций на реке Катунь.

Название реки Катунь можно перевести на русский как "Царица". Эта огромная, красивейшая река с бешеным течением начинается у подножья священной горы Белухи и протекает через всю республику с тем, чтобы к северу от нее слиться с Бией и впасть в Обь. Катунь - священная река для алтайцев. Согласно традиционным представлениям, к ней даже приближаться не нужно без особой на то необходимости. Проект сооружения на ней плотин, достаточно спорный с экономической и экологической точек зрения, абсолютно бесспорен с сакральной - большее надругательство над священной природой Алтая сложно себе даже представить.

Строительство дороги в Китай, в свою очередь, весьма сомнительно с геополитических позиций в условиях нарастания китайской экспансии. Оно угрожает окончательно разрушить традиционную замкнутость Алтайского региона природными границами и сnivelировать сохранившуюся культуру по общероссийскому, а скорее даже по общекаитайскому образцу.

В настоящее время проекты находятся в стадии подготовки, однако, вероятно, в ближайшее время их будут пытаться осуществить. Каждый из них предполагает привлечение обширных инвестиций, обещает получение прибылей и, что еще более важно в современной России, обеспечивает возможности для широкомасштабного разворовывания денежных средств на разных уровнях чиновничьей иерархии.

РЕЛИГИИ

Современный Алтай чрезвычайно интересен с религиоведческих позиций. В нем можно выделить следующие основные направления религиозной деятельности.

Русская православная церковь, активно действовавшая в Горном Алтае в XVIII - начале XX вв. при поддержке государства, в том числе силовыми методами, в настоящее время имеет большинство своих приходов в северной части республики - в г. Горно-Алтайске, в котором преобладает русское население, и в окрестных районах. Православие пользуется поддержкой государственных структур, национальная политическая элита состоит, главным образом, из крещеных алтайцев. Основные городские газеты на русском языке - "Звезда Алтая" и "Вестник Горно-Алтайска" - имеют постоянные православные страницы. В центральных и южных районах республики православие распространено слабо, действующие в райцентрах православные церкви имеют весьма небольшие приходы.

В последние годы в столице республики и отдельных райцентрах активно работают миссионеры протестантских церквей, однако до настоящего момента их паства немногочисленна.

На юго-западе республики, в районе пос. Усть-Кокса, сосредоточены поселения старообрядцев, именуемых местным населением "кержаками". Давно образовавшиеся общины старообрядцев не занимаются миссионерской практикой, за столетия успешно вписались своей хозяйственной деятельностью в природную систему Алтая и пользуются уважением алтайского населения окрестных районов.

На юге республики, в Кош-Агачском районе, среди казахского населения распространен ислам.

В Усть-Коксинском районе, в меньшей мере в других районах республики, активно действуют представители ререхианских движений, сакральным центром Евразии для которых, в соответствии с идеями Н.К. Рериха, является гора Белуха. Движения охватывают, главным образом, приезжих из русскоязычных областей и среди алтайцев распространения практически не имеют.

С начала 1990-х гг. в г. Горно-Алтайске отдельными представителями национальной интеллигенции создано несколько религиозных движений, имеющих целью возрождение традиционной религии алтайцев. Наиболее заметными из них являются "Ак-Бурхан" (лидер А. Санашкин) и "Ак-Тян" (лидер С. Кыныев).

Движение "Ак-Бурхан" ориентировано на возрождение бурханизма начала XX в., понимаемого им как алтайский вариант буддизма. Пользуется поддержкой зарубежных буддийских организаций. Ориентировано на городское население, широкой базы в сельских районах не имеет.

Движение "Ак-Тян" во главе с С. Кыныевым полагает своей задачей возрождение древней алтайской веры. Ориентировано на городское население и, в значительной мере, приезжих. В сельских районах движению достаточно активно противодействуют "онгудайцы" - духовные лидеры, выходцы из Каракольской долины, обвиняющие С. Кыныева в эксплуатации древней религиозной традиции в рекламных целях без настоящего понимания ее оснований и ритуалов. Аналогичной позиции, судя по всему, придерживаются сторонники "Ак-Тянга" из Улаганского района, чьи религиозные представления и ритуальная деятельность близки "онгудайцам".

В республике существует также движение тенгрианства, ориентированное на возрождение общей духовной традиции со всеми тюркскими народами. Одним из его проповедников является публицист А. Ишбара. Организационно оно представлено "Школой духовной экологии "Тенгри", лидером которой является Д.И. Мамыев, создатель и идеолог Каракольского (этно) природного парка. К сожалению, нам не удалось в экспедиционных условиях пообщаться с представителями этого движения. Возникшая уже после завершения работ в республике интересная переписка с Д.И. Мамыевым, надеюсь, получит свое развитие в исследованиях новых полевых сезонов.

КАРАКОЛЬСКАЯ ДОЛИНА

Каракольская долина находится в Онгудайском районе Республики Алтай, к западу от райцентра пос. Онгудай. Это очень красивое степное пространство, вытянувшееся по обоим берегам р. Каракол,

правого притока р. Урсул, среди покрытых тайгой горных хребтов. В устье долины, на р. Урсул у Чуйского тракта расположены поселки Каракол и Курата; в самой долине, на р. Каракол - поселки Бичикту-Боом, Боочи и в дальней части долины - пос. Кулада.

Религиозная деятельность жителей и выходцев из Каракольской долины, а также окрестных поселков Онгудайского района является одним из ключевых элементов современного развития духовной культуры в Горном Алтае. В значительной мере они объединены народным религиозным движением "Ак-Тянг" ("Белая вера"), неформальным лидером которого является В.Б. Чекурашев из пос. Кулада. Это движение рассматривается многими современными авторами как прямое продолжение реформаторской религии Ак-Тянг, получившей в российской литературе наименование "бурханизм", проявившей себя наиболее ярко в период событий в долине Теренг в начале XX в. Такая позиция, однако, далеко не бесспорна, что будет показано ниже.

Наши исследования 2005 г. были сосредоточены на изучении духовной культуры населения Каракольской долины и ее окрестностей, поскольку именно "онгудайцы" возглавляют наиболее авторитетное в республике религиозное движение, опирающееся на традиционное мировосприятие сельского населения алтайцев. Их лидеры происходят из деревенской среды и продолжают традиции древних алтайских верований, в их религиозной системе отсутствуют спекулятивные построения, свойственные религиозным лидерам из числа городской интеллигенции, отсутствует стремление к саморекламе и "раскручиванию" в целях финансового обеспечения. Религиозное движение Каракольской долины отвечает, прежде всего, потребностям местного населения, сохранившего в определенной мере традиционный уклад хозяйственной деятельности, социальных отношений и мировосприятия.

Большинство населения Каракольской долины и ее окрестностей принадлежит к числу алтай-кижи - (алт.) "алтайские люди, алтайцы", преобладают сеоки (рода) майман и, в меньшей степени, тулès.

Религиозные лидеры Ак-Тянга в соответствии с традицией именуются тярлыхами. Кроме того, значительную роль в духовной культуре населения долины играют камы (шаманы), кайчи (исполнители традиционного эпоса), ясновидящие и целители. Все эти категории людей рассматривают свою деятельность как службу обществу, священному Алтаю и Богу (при некоторых различиях в терминологии и трактовке сакрального начала). Никто из духовных лидеров Каракольской долины, с которыми нам приходилось общаться и о которых мы слышали от местных жителей, не пользуется своим даром и общественным статусом для улучшения собственного материального

положения. Статус религиозного лидера в обществе почетен, но не отменяет активной хозяйственной деятельности его носителя и не является источником финансового благополучия. Надо отметить, что на нас, привыкших к городским "целителям" и "шаманам", ориентированным на зарабатывание денег, это произвело потрясающее впечатление. Люди, с которыми мы общались в Каракольской долине, искренни в своих религиозных убеждениях и культовой деятельности.

По ходу работ в Каракольской долине и ее окрестностях, в том числе в пос. Онгудай, мы общались со многими местными жителями: пастухами, предпринимателями, административными работниками, религиозными лидерами. Наиболее важная и подробная информация была получена нами от следующих лиц: тярлыха пос. Каракол Лазаря Танышевича Аилдашева из рода тулès; камы и кайчи из пос. Курота Аржана Михайловича Козерекова, по отцу русского; предпринимателя Олега Танашевича Барнулова, уроженца пос. Онгудай из рода майман, внука известного тярлыха начала XX века; ак-камы из пос. Кулада Ольги Кедышевы Ирихоновой из рода майман; директора Каракольского (этно) природного парка "Уч Энмек" Анатолия Маковича Унукова, уроженца Каракольской долины из рода майман и директора муниципального предприятия в пос. Онгудай Александра Ивановича Унукова, так же уроженца Каракольской долины.

ТРАНСКРИПЦИЯ

Достаточно сложной является проблема корректного транскрибирования на русский язык ряда основных религиозных понятий алтайцев. Во многих случаях мы придерживались традиционного написания, однако оно не вполне передает реальное звучание слов у современных алтайцев. Так, наиболее распространенную в современной литературе транскрипцию "Ак-Тян" мы заменили на "Ак-Тянг", как более адекватную. В реальности в произношении этого слова есть следующие особенности: звук "к" в слове "Ак" (общетюркское значение "белый") произносится очень мягко, так что, скорее, это будет "Ах", чем "Ак". В слове "Тянг" (по алтайски - "вера") первая буква произносится достаточно звонко, с сильным смягчением в конце звука, так что получается звук между русскими "Тьянг" и "Дьянг". Последние "нг" в этом слове - у алтайцев единый звук, передающийся в алфавите алтайского языка буквой "н" (так в традиционном написании "Ак-Тян"), однако в русском тексте гораздо корректнее передавать его сочетанием букв "нг". Точно так же, например, имя священного Неба Тенгри произносится алтайцами с ударением на последний слог как "Тенгери", где "нг" в середине слова - единый, при этом весьма приглушен-

ный звук, так что часто оно звучит даже скорее как "Тенери".

В научной литературе лидеров Ак-Тянга времен долины Теренг именуют, как правило, "ярыхчи". Однако в современном звучании этого слова у всех жителей Каракольской долины, с которыми мы общались, две последние буквы "чи" не произносятся, и слово звучит как "тярлых", множественное число - "тярлыхи". Этим вариантом написания мы и пользуемся здесь, вполне сознавая его нетрадиционность, однако уповая на то, что точность в данном случае важнее привычного написания.

НАРОДНАЯ ВЕРА

У населения Каракольской долины и ее окрестностей нами были зафиксированы три основные модели религиозного поведения.

Первую модель демонстрируют тярлыхи - лидеры движения "Ак-Тянг". В каждом поселке живет от одного до нескольких тярлыхов. Они организуют коллективные моления два раза в год - весной и осенью, в которых участвует большинство населения каракольских поселков, являются активными проповедниками принципов Ак-Тянга в повседневной жизни, принимают определенное участие в политической жизни республики по наиболее острым вопросам, касающимся ритуальной и хозяйственной деятельности населения долины. Так, летом 2005 г. тярлыхи пос. Каракол Л.Т. Аилдашев и О.Б. Ыжиков организовали сбор более чем 1600 подписей жителей Онгудайского района под письмом, направленным в Государственное Собрание Республики Алтай - Эль Курултай, с критикой деятельности Каракольского (этно) природного парка "Уч Энмек", религиозных движений "Ак-Тян" С. Кыныева и "Ак-Бурхан" А. Санашкина, а также целого ряда местных чиновников. Тярлыхи ориентированы в своей деятельности на местное население, далеко не всегда идут на контакт с приезжими, в том числе и с исследователями. Пользуются несомненным авторитетом у населения района, которое, однако, далеко не всегда соглашается с необходимостью выполнения достаточно жестких ритуальных и хозяйственных требований тярлыхов.

Вторую модель религиозного поведения можно увидеть у людей, причастных к сакральному знанию и ритуальной практике, однако, не относящихся к числу религиозных лидеров Ак-Тянга. Это признаваемые народом камы, ясновидящие, целители, "знающие" люди. Если тярлыхами являются только мужчины, то в этой категории достаточно много женщин. Они исполняют обрядовую практику, имеющую традиционные корни, лечат, помогают людям советами и прорицаниями. Пользуются в народе несомненным уважением. Люди этой

категории, как правило, ориентированы скорее на индивидуальную ритуальную деятельность, далеко не всегда соглашаются с тярлыхами в плане ритуально-хозяйственных запретов и предписаний, часто (но не всегда) более открыты для общения с посторонними, не являющимися жителями долины. От них можно услышать критику деятельности тярлыхов за стремление достаточно жестко добиваться исполнения религиозных принципов, попытки одномоментно возродить религиозную традицию, за конфликты тярлыхов с Каракольским (этно) природным парком, ориентированным на развитие в долине культурного и экологического туризма и научно-исследовательской деятельности. Однако, в целом, противостояния между этими двумя категориями духовных лидеров не наблюдается, тярлыхи, камы и целители постоянно подчеркивают свое положительное отношение друг к другу.

Третью модель демонстрирует большинство местного населения. Это люди, для которых повседневная деятельность в горах и долинах Алтая неразрывно связана с их сакральным восприятием и ритуальной практикой. Они участвуют в ежегодных коллективных молениях, практикуют индивидуальные ритуалы почитания Неба и Земли, гор, перевалов, рек и источников, огня домашнего очага. Как правило, они далеки от религиозных споров, их собственная религиозность базируется на сохранившемся традиционном восприятии мира как живого и священного. К этой категории относится абсолютное большинство населения Каракольской долины. Должен отметить, что за все время работы в Онгудайском районе нам не довелось встретить ни одного атеиста, ни одного человека, отрицающего бытие Бога и священность Алтая. Работа и жизнь в этом обществе произвели на нас глубокое впечатление, вплоть до того, что способствовали некоторому изменению мировосприятия отдельных участников нашего отряда.

АК-ТЯНГ

Религиозная традиция, которую исповедуют тярлыхи, была возрождена в Каракольской долине в начале 1990-х гг. после исчезновения советского идеологического пресса. Возрождение произошло на базе сохранившегося мировосприятия и опыта ритуального общения с окружающим миром. В некоторой степени Ак-Тянг Каракольской долины сохранил определенные черты реформаторской религии времен долины Теренг, так называемого "бурханизма". В их числе можно перечислить: именование Бога-Творца "Уч-Курбустан", судя по всему, не характерное для алтайцев до начала XX в. Наименование самих

религиозных лидеров "тярлыхами". Запрет на ритуальное использование алкоголя и курение табака, замену алкоголя в ритуале молоком (соблюдается, главным образом, самими тярлыхами). Однако другие принципиальные черты реформы начала XX в. не выдержали испытания временем.

Ак-Тянг времен долины Теренг однозначно выступал против традиционной шаманской практики. Камов даже заставили выстроить для себя темницу и заключили в нее. Сторонники Ак-Тянга того времени не общались с соплеменниками, сохранившими приверженность камам. Этого отношения совершенно нет в Ак-Тянге Каракольской долины. Современные тярлыхи говорят про камов, что они - люди, причастные к сакральному, но сила у них другая, чем у тярлыхов. По их словам, сила тярлыха - в обществе, в объединении людей. А сила кама - в его индивидуальности, в собственном "я". Поэтому каждый кам живет сам по себе и между ними не редкость конфликты в сакральной сфере, т.н. "войны камов". А тярлыхам делить нечего.

В годы реформ были запрещены традиционные жертвоприношения животных. К настоящему времени этот запрет также потерял свою силу, жертвоприношения практикуются сторонниками Ак-Тянга.

Действительно, такой запрет весьма резко нарушал ритуальные традиции скотоводческой культуры, в которой мясо является одной из основ рациона, и скот забивается регулярно. Запрет на кровавые жертвоприношения просто выводил забой домашних животных из сферы сакрального, оставляя ему только профанный смысл получения пищи. Это противоречит традиционному мировосприятию, для которого характерно единство сакрального и профанного, ритуального и бытового.

Итак, в современном Ак-Тянге Каракольской долины нет концепции конфликта между реформистской и традиционной верой. В начале XX в. определенное влияние на обрядовую практику Ак-Тянга оказал буддизм, в первую очередь, монгольский ламаизм. Однако в наше время в Ак-Тянге "онгудайцев" влияние буддизма не прослеживается.

Таким образом, мы можем уверенно рассматривать Ак-Тянг Каракольской долины как возрождающуюся традиционную религиозную систему алтайцев, прошедшую непростой путь реформирования и частичного забвения в советские годы, но сохранившую древнюю основу в религиозных представлениях и ритуальной практике.

КЫЙРА

Народная модель Ак-Тянга включает в себя почитание Бога (при существовании различных вариантов обращения к нему), Алтай-Кудая - Священного Алтая как сакральной сущности окружающего природного мира, почитание гор, рек, источников, древних культовых сооружений.

Ключевым элементом обряда почитания природных объектов и стихий является ритуал привязывания в культовых местах на ветви деревьев *кыйра* - матерчатых лент, аналогичных монгольским хадагам.

Содержание этого обряда - самоотдача человека, его благодарность Богу и миру за жизнь, за природу, за стада. Нам неоднократно говорили, что сама лента - кыйра - это лишь символ, главный обряд происходит в душе человека в его обращении к Богу и Алтаю.

Обряд совершается только в те дни, когда луна рождается, ни в коем случае не в полнолуние и не при стареющей луне. Время совершения обряда - от восхода солнца до полудня, никогда не при клонящемся к закату солнце.

По традиции необходимо вязать две кыйра - одну за себя, вторую за своих близких родственников. При этом обе ленты складываются в одну и вяжутся вместе.

Поскольку главное содержание обряда - радость и благодарность, человек не должен совершать его, если недавно испытал горе. Если с близкими родственниками случилась беда - не надо вязать кыйра в течение года, если с дальними - то не менее сорока дней.

Сама лента должна быть шириной не менее чем в два пальца и длиной не менее двух локтей. Она вяжется к ветви скользящим узлом, чтобы не мешать росту дерева.

Кыйра вяжут только на определенные породы деревьев - березу, лиственницу и кедр, которые традиционно считаются связанными с небесным началом. На другие деревья кыйра не вяжут.

Особое значение имеет цвет привязываемой ленты. Он может быть только белым, голубым, желтым или зеленым. При этом наиболее распространен белый цвет - цвет чистоты, обращенности к Богу, цвет молока как самой чистой и священной субстанции. Голубой цвет символизирует Небо, а зеленый - природу Алтая. Желтые кыйра цвета солнца вяжут обычно люди, причастные к священному, "знающие" люди.

Кыйра вяжут в первую очередь у перевалов (много их на Семинском перевале), у подножья священных гор, у источников. Так, у родника по дороге на Куладу ветви многих деревьев увешаны кыйра. Когда мы проезжали мимо на УАЗике с местными жителями, водитель остановил машину напротив родника, а сидевшая на переднем

сидении пожилая алтайка взяла бутылку водки (машина ехала на свадьбу), открыла дверцу и, не выходя, произвела кропление водкой на четыре стороны, после чего машина тронулась дальше.

Часто индивидуальный ритуал почитания воды может быть очень прост: попить ее из источника или реки, умыться, поблагодарить.

Обряд на перевале не обязательно включает в себя привязывание кыйра. Как говорили нам тярлыхи, достаточно просто от души сказать "спасибо", от души попросить себе дорогу.

Вообще понятия: "просить дорогу", "открыть дорогу" имеют особое значение в алтайской религиозной системе. Они связаны с представлениями о дороге как о судьбе человека, его деле, его участии в будущем. Так, Аржан Козереков, говоря о хорошем значении нашей работы на Алтае, даже камлал для того, чтобы открыть нам дорогу.

ОБРЯДЫ

Широко распространены и другие индивидуальные обряды. Так, во время грозы люди обращаются к Небу с ритуальными словами: "Кайр-Кан Кок Тенгри" ("Священный Владыка Голубое Небо"), человек почитает этим Небо как божественное начало. По первой весенней грозе во многих домах проводится ритуал, обращенный к Небу, которым руководит хозяин дома.

подавляющее большинство населения исповедует традиционный принцип почитания огня: не бросать в очаг и не жечь на огне мусор. В одном доме перед нами, русскими, даже извинялись, что в печи есть мусор, говоря, что "было очень много гостей, в том числе и чужие, они и намусорили".

Основные коллективные ритуалы: весенний - Тягил Бур и осенний - Сары Бур. Их организуют тярлыхи, а участвует в них большинство местного населения. Не возбраняется участвовать и русским. Весенний ритуал проводится в то время, когда на деревьях только появляется молодая листва. Осенний - когда листва желтеет.

И тот, и другой ритуалы совершаются на восьмой день новой луны. Вообще вся ритуальная деятельность осуществляется в соответствии с лунным календарем и только при новой луне.

По словам религиозных лидеров, тярлых на молении отдает себя, свою энергию, свою благодарность миру. Он просит благодать народу Алтая и всему человечеству. Сами тярлыхи говорят, что они ничего не учат по книгам. К тярлыху все знания, которые ему нужны, приходят от Бога, он действует на обряде в трансом состоянии, близком к тому, которое достигается при камлании.

Тярлыхи, организующие коллективные ритуалы, подчеркивают,

что настоящее моление можно совершать только на своей земле, которую ты по-настоящему знаешь, на которой ты живешь, пьешь ее воду, пасешь на ней скот. Коллективные ритуалы, устраиваемые на посторонней территории, по их мнению, сплошная профанация. Такими являются, например, моления, организуемые участниками движения "Ак-Тян" С. Кыныева, которые приезжают на чужую землю и, по словам тярлыхов, только баламутят народ.

Тярлыхи и другие причастные к сакральной сфере люди подчеркивают, что в ритуальной практике человек, прежде всего, должен давать, а не просить и не брать. Любой обряд - это отдача себя. Главное в нем - не материальное приношение, а самоотдача человека, его благодарность Богу и миру.

Традиционно алтайцы используют в ритуалах алкоголь: кропят им, разбрызгивают на четыре стороны. Тярлыхи активно выступают против этой практики, настаивая на замене алкоголя молоком. Так, они говорят: что вы даете Богу - то он вам и вернет. По их словам, алтайцы часто кропили водкой у родников и на перевалах, от того многие из них теперь спиваются. Вообще тярлыхи считают распространение алкоголизма одним из главных бедствий, постигших народ. Необходимо отметить, однако, что в алтайских деревнях спившиеся, опустившиеся люди встречаются не чаще, а, пожалуй, даже и реже, чем в современных русских поселках.

Возможно, в полном отрицании тярлыхами потребления алкоголя и табака проявляется единственное остаточное буддийское влияние религиозной реформы начала XX в. Знакомые нам камы, "знающие" люди и многие местные жители не придерживаются такой жесткой позиции, исповедуя вместо нее принцип, что "все хорошо в меру". Камы могут курить трубку при общении и в промежутках между совершением ритуальных действий.

Как свидетельствуют местные жители, в начале активного развития современного Ак-Тянга в 1990-х гг. тярлыхи гораздо жестче, чем сейчас, стремились внедрить в народ предельные формы невмешательства в природную среду: запрещали косить траву, рубить лес, препятствовали передвижению туристических групп. К настоящему времени они стали мягче относиться к этим вопросам, но в целом также считают, что чем меньше человек вмешивается своей хозяйственной деятельностью в жизнь окружающего мира, тем лучше.

Особое значение в духовной культуре населения Каракольской долины играет почитание гор. Наиболее почитаются здесь священные горы Уч Энмек (на географических картах "Учемдек") к югу от пос. Кулада - это святое, закрытое, табуированное место. В дословном переводе "Уч Энмек" - "Три темени", но это только поверхностный

перевод, существуют гораздо более глубокие, мистические варианты трактовки этого названия.

Сам пос. Кулада является центром сакральной деятельности Каракольской долины и всего Онгудайского района. Этот поселок наиболее удален от Чуйского тракта, ориентирован на "закрытые", эзотерические модели ритуальной деятельности.

Вообще люди Каракольской долины, причастные к сакральному знанию, даже охотно общавшиеся с нами, были расположены говорить скорее об общих принципах религиозной доктрины Ак-Тянга, чем о конкретном содержании ритуальной практики. Многие ритуалы рассматриваются здесь как эзотерические, сокровенные, не подлежащие демонстрации или разглашению. Точно так же закрытыми от посторонних являются многие священные места, родовые святилища. И не только естественная тактичность, но и элементарная забота о собственной жизни и здоровье заставляли нас не пытаться нарушить эту закрытость, поскольку последствия этого могут быть весьма печальными для нарушителей.

Если говорить об основаниях религиозной доктрины, нам очень понравилась формулировка О.Т. Барнулова: "тянг (вера) - это жизнь, ей не надо учиться, ею надо жить". Действительно, для населения Каракольской долины и ее окрестностей религиозность является не столько результатом изучения традиции (Ак-Тянг не имеет канона или Писания), сколько следствием восприятия мира людьми, повседневная жизнь которых погружена в происходящие в нем процессы, сильнейшим образом связана с волей природных сил и стихий.

ТЯРЛЫХИ

Тярлых Л.Т. Аилдашев говорил нам: "основа Ак-Тянга - это почитание единого Бога и забота о том месте на земле, на котором человек живет". Очевидно, что в этой формулировке сводятся воедино сакральный и профанный пласты человеческого существования.

Он же говорил: "божественное - это то, что живое". При этом понятие "жизнь" в Ак-Тянге, конечно, существенно шире, чем в биологии. Жив огонь, живы горы и реки, жив сам Алтай, живы Земля, Луна и Солнце.

В один из моментов разговора Лазарь Танышевич спросил нас: "Что есть истина?". Мы, естественно, несколько затруднились, но нам очень понравился его собственный вариант ответа. Он сказал: "истина - это дети, потому что дети - это жизнь и это будущее".

Лидеры Ак-Тянга не очень довольны тем потоком людей, который устремляется сейчас на Алтай из урбанизированных областей и уже

самим своим присутствием, а тем более неосторожными действиями, вмешиваются в традиционный уклад жизни. Еще одна цитата из Л.Т. Аилдашева: "человек должен жить на своей Родине и искать знаний, прежде всего, там". Однако он же нам говорил, что сложившаяся ситуация в значительной мере закономерна: "многие люди, ищущие знаний о мире, тянутся сейчас к Алтаю потому, что он есть грань между цивилизацией и природой, он сохранил в себе единство с природой, но способен говорить на языке цивилизации".

Здесь, в Каракольской долине и ее окрестностях, сочетаются стремление сохранить традиционный уклад и вера в особую миссию Алтая и Ак-Тянга на пространствах мира. Тярлыхи и многие "знающие" люди трактуют Ак-Тянг как первоначальную человеческую веру, сохранившуюся на Алтае, которой суждено теперь распространиться в мире. Надо отметить, что с религиозоведческой точки зрения Ак-Тянг "онгудайцев" действительно является одним из вариантов реализации традиционной для Евразии мифоритуальной системы, древность которой исчисляется, по меньшей мере, тысячелетиями.

АИЛЫ

Стремление к возрождению традиции проявляется на Алтае и в том, что в последние годы в поселках, застроенных в советское время или даже до революции в соответствии с русскими архитектурными традициями, все чаще во дворах строят аилы - традиционное алтайское жильё. Аил для Горного Алтая также традиционен, как юрта для степной Евразии. Он имеет шестиугольную в плане форму, в профиле пирамидален или слегка куполообразен. Деревянный каркас аила в древности покрывался корой, сейчас он чаще обшивается досками либо выстилается рубероидом. В качестве "правильного" аила рассматривается только традиционный, с земляным (а не деревянным) полом и открытым очагом (а не печью).

Аил используют как летний дом и как сакральное пространство. В аиле общаются, исполняют кай, камлают люди, причастные к сакральному знанию. Беседа с тярлыхом может состояться и в избе, но кам (если, конечно, он согласен на беседу) обязательно поведет собеседников в аил.

КАМЫ

У камов, с которыми мы общались в Каракольской долине, традиционный алтарь устраивается в сакральном пространстве аила - за очагом. Он сооружается из одной или нескольких каменных плит. Наи-

более сакральными местами в их аилах являются: сам очаг, алтарь и стена за ним, на которой развешиваются культовые предметы.

Ритуал общения с камом обязательно предполагает в начале символическое приношение: это могут быть конфеты, сигареты и т.п. Кам принимает его и совершает краткий обряд почитания духов: он может разломить одну конфету и положить ее в очаг, или вскрыть пачку сигарет, поставить ее у стены за очагом, а в очаг положить небольшой кусочек сыра. К приношению в очаг добавляется также веточка можжевельника, играющего большую роль в ритуальной деятельности алтайцев.

Камы Каракольской долины обращаются, как правило, только к Верхнему миру и иногда именуют себя "ак-кам" ("белые камы"). Они, однако, признают и камов, работающих с Нижним миром (например, из Кош-Агачского района), и не считают их противодействующими Ак-Тянгу.

Многие местные жители и сами камы придерживаются традиционных представлений, что человек становится камом тогда, когда его избирают духи. При этом нам говорили, что если человек начинает "видеть", "просыпается" для активного духовного общения, его на определенном этапе обязательно должны направлять "знающие" люди. Путь к духовному зрению и способностям ясновидящего, целителя или кама проходит через болезни, возникающие от того, что разные миры разрывают душу человека. И, если "знающие" люди не помогут, он может сойти с ума.

Сложно сказать, камлают ли сейчас в Каракольской долине с использованием бубна. В 1920 - 1930-е гг. шаманские бубны на Алтае изымались в музеи или уничтожались, традиция их изготовления была пресечена. Если она и возрождается сегодня, то в предельно закрытых формах. Нам довелось наблюдать только камлание с использованием традиционного двухструнного инструмента.

В общении с камами, тярлыхами, тем более при исполнении ритуалов совершенно недопустимо пользоваться любыми техническими средствами записи: фотоаппаратом, диктофоном. Любая такая попытка будет воспринята крайне отрицательно и, скорее всего, сведет всякую возможность общения на нет. Здесь можно заинтересованно слушать, общаться, обычно удается делать дневниковые записи, однако установление доверительных отношений всякий раз складывается не просто и рисковать ими, обращаясь к техническим средствам, нельзя. Мы и не рисковали, поэтому из изб и аилов тярлыхов и камов не привезли ни фотографий, ни диктофонных кассет, а лишь дневниковые записи да память о впечатлении, которое мы испытали в общении с этими людьми.

И, наверное, одним из наиболее ярких впечатлений стало для нас общение с Аржаном Михайловичем Козерековым, кайчи и камом, человеком, хорошо известным не только на Алтае, но и далеко за его пределами. О нем нам очень часто говорили в поселках пастухи, тярлыхи, камы, сотрудники Каракольского (этно) природного парка. Запомнился, в частности, его рассказ о том, что "слово, которое говорит человек, обращаясь к миру, должно звучать на родном языке. Слово на родном языке обходит все сферы мира и дает благословение, слово на чужом языке обесмысливает".

Поэзия, как известно, есть одна из наиболее ёмких форм выражения сакрального восприятия. И в поэтическом обращении невозможна связь с миром без связи с предками, с основаниями собственной жизни, а именно она присутствует в том языке, на котором мы обращаемся к людям, к миру, к Богу.

АРХЕОЛОГИЯ

Если говорить о впечатлениях, то для нас, пришедших к изучению традиционного мировосприятия через степные археологические экспедиции, было крайне необычно оказаться среди людей, подавляющее большинство которых очень плохо относится к археологии и археологам. Это отношение связано, главным образом, с тем, что археологические раскопки воспринимаются алтайцами как беспардонное вмешательство в сакральную структуру окружающего пространства. В Каракольской долине и ее окрестностях находится много ярких памятников древности - каменные курганы, стелы, комплексы менгиров, наскальные рисунки. Они хорошо известны местным жителям, которые воспринимают их как принципиально важные сакральные объекты, имеющие большое значение в структуре окружающего мира. Многие древние сооружения находятся на сакральных территориях, аналогичных священному плато Укок в Кош-Агачском районе, где производили свои широко и печально известные на Алтае раскопки В.И. Молодин и Н.В. Полосьмак. Археологи уничтожают эти сооружения, вывозят стелы в музеи, разрушают насыпи курганов и вскрывают древние захоронения.

Отрицательное восприятие археологических работ связано также с традиционным отношением к посещению и, тем более, разрушению погребений. Согласно сохранившимся в народной среде представлениям, которые стремятся возродить тярлыхи, на место погребения после совершения обряда в принципе не нужно больше приходить. Как говорил нам Л.Т. Аилдашев, не нужно звать к себе умерших ни на девять, ни на сорок дней, ни после этого. Умирая, человек полностью

уходит из этого мира в совершенно другие условия существования, и всякая попытка вступить с ним в связь не несет в себе ничего хорошего ни для него самого, ни для людей нашего мира.

Многие люди, причастные к сакральному знанию, говорили нам о том, что археологические раскопки разрушают структуру окружающего пространства. С такой позицией нам не приходилось сталкиваться в Челябинской области, где русское население поселков воспринимает окружающий мир скорее как комплекс условий своего существования, а памятники древности интересны, главным образом, только самим археологам. Алтайская ситуация совершенно иная, и у меня самого, участника и руководителя археологических исследований многих древних объектов на Южном Урале, не поднялась бы рука приехать с лопатой на землю, где древность продолжает свое существование в современности, и археологические памятники вписаны в сакральную структуру окружающего мира.

КАРАКОЛЬСКИЙ (ЭТНО) ПРИРОДНЫЙ ПАРК

Заметную роль в духовной культуре населения Каракольской долины играет деятельность Каракольского (этно) природного парка "Уч Энмек". Его администрация стремится развивать культурный и экологический туризм, активно содействует научным исследованиям. В условиях постоянного расширения туристического потока из других областей России и из-за рубежа (этно) природный парк играет важную роль в организации глобальных взаимосвязей духовной культуры Каракольской долины в современном мире. Одновременно его деятельность вступает в противоречие с ориентацией значительной части местного населения и многих духовных лидеров, прежде всего, тярлыхов, на эзотерическую модель развития. Многие туристы, журналисты, к сожалению, и исследователи, не понимают принципы бережного отношения к природе Алтая, культуре его населения, чести и достоинству людей. И сотрудники (этно) природного парка не всегда могут смягчить противоречия между современной моделью поведения многих городских жителей и традиционной культурой.

Наш экспедиционный отряд приняли на базе Каракольского (этно) природного парка, дали возможность поставить там свой лагерь и обеспечили дровами и водой, сообщили немало ценной информации - за все это мы искренне благодарны сотрудникам парка, организующим работу в весьма непростых условиях при крайнем недостатке бюджетного финансирования. Идеи, заложенные в парке, имеют очень мощный потенциал дальнейшего развития - и мы с радостью обнаружили, что их основа чрезвычайно близка идеологии Аркаима.

Прежде всего, это принцип комплексного изучения и охраны культурного и природного наследия и ориентация на возрождение в современном мире восприятия мира как живого и священного. На современном пространстве Евразии Каракольский (этно) природный парк является одним из важных центров традиционного возрождения.

ЭСХАТОЛОГИЯ

В заключение отметим еще одну важную черту религиозных настроений Каракольской долины - их эсхатологическую направленность. Камы, тярлыхи, "знающие" люди едины в оценке исторической перспективы: современная цивилизация стремительно приближается к глобальной катастрофе. Некоторые из них с удивлением узнавали от нас, что этой же позиции придерживаются многие представители современного философского и научного сообществ. Здесь ждут не "конца света", но глобальных потрясений, связанных с завершением и дальнейшим разрушением современной глобализованной модели социально-экономического развития. И надеются, что культурная практика, возрождающаяся на Алтае, может способствовать преодолению отрицательных тенденций, либо, во всяком случае, стать одним из начал исправления и возрождения человеческого общества после этой катастрофы.

Аржан Козереков говорил нам так: "Мера зла на Земле переполнилась. Пока от людей отворачиваются Земля и Солнце: и это выражается в землетрясениях, появлении озоновых дыр, глобальных изменениях погоды. Но если отвернется и Луна - то это будет конец".

В беседе 15 августа 2005 г. он сказал нам, что в последние дни во снах часто видит огромное наводнение - волны воды, сметающие поселки, затапливающие города. Сон мучает его, но он все не может понять, где же все это происходит.

Не прошло и полмесяца, как на юго-западное побережье США обрушился тайфун, приведший к затоплению Нового Орлеана и многих других населенных пунктов. Быть может, и другие предвидения духовных лидеров Каракольской долины заслуживают определенного доверия, тем более, что многие научные исследования перспектив развития человечества, начиная с публикации Дж.Форрестера в 1971 г. и доклада исследовательской группы Д. Медоуса "Римскому клубу" в 1972 г. и вплоть до сегодняшнего дня позволяют с высокой долей вероятности предполагать катастрофические последствия развития современной цивилизации уже в первой половине XXI века.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Дороги не только уводят из дома, но и возвращают домой, и дальние экспедиции нужны, прежде всего, для того, чтобы лучше понять и оценить природное и культурное пространство, в котором ты живешь.

Мы много лет исследовали культовые памятники степного Зауралья: святилища на вершинах гор, мегалитические сооружения, древние и современные обо и другие комплексы разных эпох. Мы обращались для их интерпретации к письменным источникам и этнографическим данным. На базе этих данных можно реконструировать модель мировосприятия, которая формировала культурную практику людей, живших в нашей степи, на протяжении тысячелетий. В ее основе - восприятие мира как живого и священного. Мы уверенно реконструируем почитание Неба и Земли; гор, рек и источников; особую роль огня в ритуале. Но одно дело - интерпретировать и реконструировать, а совершенно другое - непосредственно наблюдать каждодневные проявления такого мировоззрения, видеть его живым. А оно все еще живо в традиционных культурах Монголии и Алтая.

Мы видим сегодня на Аркаиме множество людей, которых приводят сюда их духовные поиски. И многие из них создают различные концепции сакрального с опорой на подлинные или вымышленные древние тексты, собственные представления, научные и псевдонаучные данные. Во всем этом проявляется стремление современного человека к преодолению его отчуждения от живого природного мира. Но слишком многое в таких концепциях оказывается надуманным, спекулятивным, фантастичным. Традиционные культуры учат нас, что подлинный контакт человека и мира возможен, прежде всего, через жизнь в этом мире и заинтересованное восприятие его, а отнюдь не через построение абстрактных схем сакрального пласта бытия.

Невозможно в традиционной культуре разделить деятельность на сакральную и профанную, бытовую. И скот выгонять на пастбище, и молиться у источника, и детей рожать, и на войну собираться - все это и быт, и ритуал, все это осмысленная, причастная к смыслам бытия деятельность.

Работы в Центральной Азии убеждают нас в правильности базовой научной установки, уже много лет реализующейся на Аркаиме: исследовать культуры в природном контексте, а изучение прошлого увязывается с проблемами современности. Потому что прошлое - это исторический опыт человечества, многотысячелетний опыт формирования устойчивых социальных систем и малоконфликтных моделей существования общества в природной среде. Это опыт, который чрезвычайно необходим нам сегодня, когда человечество,

увлекшись ростом промышленного производства, тотальными моделями управления и информационной "революцией", теряет чувство реальности и стремительно приближается к глобальной катастрофе.

Работы на широких пространствах Евразии позволяют нам осознать, что это наша земля, в которой лежат наши общие предки. Это они - основатели великих культур современности, и мы отвечаем перед ними за нашу землю и наше будущее.

Исследования по исторической экологии и традиционным моделям природопользования позволяют сделать вывод, что единственное долгосрочно-эффективное степное хозяйство - это комплексное хозяйство с упором на животноводство и очень ограниченными посевными площадями, хозяйство "аркаимского" типа. Животноводство не разрушает степные экосистемы, более того копытные животные являются важным звеном функционирования степи, без них она гибнет. Только нельзя допускать перевыпас, необходимо очень точно дозировать пастбищную нагрузку в степном ландшафте, как это умели древние и, к сожалению, во многом разучились делать современные животноводы. Масштабная распашка для степи губительна, она подрывает биоразнообразие и устойчивость степных экосистем, и, раньше или позже, ведет к опустыниванию степи.

Опыт традиционных культур учит нас знать и почитать окружающий мир, для них он живой и священный. Течение рек, пляска огня, кружение звезд, вековое спокойствие гор - все это проявление великой жизни мира. И каждое действие человека в этом мире должно быть одухотворено, связано со смыслами бытия. Современное общество отринуло это восприятие, оно относится к природе как к совокупности условий своего существования. Человек традиционной культуры вступает в общение с природой и хозяйственной деятельностью, и ритуалом. Современный человек счел это общение излишним и решил подчинить себе природу, забыв, что сам он - лишь один из небольших элементов ее вечного развития. И если мы не возродим традиционное мировосприятие, то окончательно погубим себя и физически, и духовно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Аркаим - точка отсчета	3
Традиционное мировосприятие.....	6
Первая экспедиция	8
Степь и горы Монголии.....	9
Кочевое хозяйство.....	10
Вода.....	11
Звери и птицы.....	12
Дороги.....	13
Монголы.....	14
Автомобили.....	15
Обо.....	16
Юрты.....	20
Гуанз.....	22
Продукты.....	23
Здоровье.....	24
Археологические памятники.....	25
Каракорум.....	26
Туристы.....	28
Валюты и языки.....	29
Имя.....	30
Рыбалка.....	30
Поселки и города.....	31
Улан-Батор.....	33
Погребальный обряд.....	34
Бурхан-Халдун.....	35
База биологов.....	40
После перестройки.....	41
Послание президента.....	42
Вторая экспедиция	43
Горный Алтай.....	43
Религии.....	45
Каракольская долина.....	46
Транскрипция.....	48
Народная вера.....	49
Ак-Тянг.....	50
Кыйра.....	52
Обряды.....	53
Тярлыхи.....	55
Аилы.....	56
Камы.....	56
Археология.....	58
Каракольский (этно) природный парк.....	59
Эсхатология.....	60
Возвращение.....	61

Петров Федор Николаевич

АРКАИМ - АЛТАЙ - МОНГОЛИЯ

Очерки экспедиционных исследований традиционных верований

Научно-популярное издание

Ответственный редактор: А.В. Пузанов

Верстка: Б.Р. Ахунов

Корректор: Е.В. Новик

Фотографии: Е.В. Галиуллин, Ф.Н. Петров, Н.С. Петров

Подписано в печать 05.04.2006

Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная

Гарнитура Helios. Печать офсетная

Усл.п.л. 4. Тираж 3 000 экз. Заказ № 2464

Отпечатано с готовых диапозитивов

в типографии «Крокус»,

454106, г. Челябинск,

ул. им. П.И. Чайковского, 165,

e-mail: crocus@tvit.ru; www.crocus74.ru

Электронная версия данной книги создана исключительно для ознакомления

только на локальном компьютере! Скачав файл, вы берёте на себя полную ответственность за его дальнейшее использование и распространение.

Начиная загрузку, вы подтверждаете своё согласие с данными утверждениями!

Реализация данной электронной книги в любых интернет-магазинах, и на

CD (DVD) дисках с целью получения прибыли, незаконна и запрещена!

По вопросам приобретения печатной или электронной версии данной книги

обращайтесь непосредственно к законным издателям, их представителям,

либо в соответствующие организации торговли!

Древнее изображение
сидящего мужчины.

Тюркское изваяние
эпохи раннего средневековья.

Вершина палеовулкана Огненный.
Гора Шаманка. Аркаим.

Курган Темир. V-IV вв. до н.э.
Реконструкция. Аркаим.

Реконструкции погребальных сооружений
различных эпох. Аркаим.

Погребальная ограда с менгиром.
Аркаим.

Возрождение древних обрядов
на Аркаиме.

Палеовулкан Огненный. Аркаим.

Раскопки фортификационных сооружений.
Поселение Аландское. XVIII-XVII вв. до н.э.

Долина Монгольского Алтая.

Скалы Монгольского Алтая.

Обо Чингисхана
на вершине Бурхан-Халдун.

Тибетская надпись на обо.
Монголия.

Обо на перевале.

Обо у подножья Бурхан-Халдун.

Ворота в монастырь Эрдени-цзу.
Монголия.

Общий вид монастыря Эрдени-цзу.

Кочевье в Монгольском Алтае.

Традиционные колеса.
Монголия.

Южно-Чуйский хребет.
Алтай.

Перевал Чике-Таман.
Алтай.

Кыйра на кедрах.
Алтай.

Культовый комплекс
на Семинском перевале.

Кыйра на Семинском перевале.
Алтай.

Курганы Куладинского могильника.
Алтай.

Шаманский бубен
в музее Горно-Алтайска.